

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-932X

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 3 | № 3
Volume 3 | 2017

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

Сайт журнала:
rrhumanities.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 3. № 3. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X

Volume 3. № 3. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Ответственный секретарь: Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Сербского ресурсного центра, доцент кафедры стратегического управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», Россия

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

Антанасиевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Болгов Н.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Реймский университет, директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Денич (Михаилович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Serbian Resource Center, Associate Professor of Strategic Management, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Political Science, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

IRINA ANTANASIEVICIĆ, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of World History and Foreign Area Studies, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art Study, Head of the Department of Theory and Methodology of Choreography, Producing, Dramatics and Choreography Faculty of Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

Marina F. Bykova, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics, Russia

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at Reims University, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Russia

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov

работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Майданский А.Д., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Ойтinen Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Пенской В.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Фёдорова М.М., доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Шувакович У., доктор политических наук, профессор кафедры социологии Философского факультета государственного Приштинского университета с временным местонахождением в Косовска-Митровице, Республика Сербия

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Moscow State University, Russia

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

ALEXANDER P. KOROCHEVSKY, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Belgorod National Research University, Russia

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, Russia

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a Leading Researcher of the Laboratory of Research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University, Russia

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Maria M. Fedorova, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

ALEXANDER A. KHAMIDOV, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology, History and Philology of Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

Uros Suvakovic, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Sociology Faculty of Philosophy of State University of Pristina with temporary located in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.

Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»

Publisher: Belgorod National Research University

Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS**

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Гайдамачук О. В. Корреляция статуса интонации и статуса философии в «О грамматологии» Ж. Деррида 4	Haidamachuk O. V. Correlation of the status of intonation and the status of philosophy in J. Derrida's "Of Grammatology" 4
Пенской В. В. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут...» 18	Penskoy V. V. "We are fifty or a hundred years behind the advanced countries. We must make good this distance in ten years. Either we do it, or they will crush us..." 18
Бурлакова Е. В., Качалова С. М. Использование креативных стратегий в рекламе как залог ее успешности 31	Burlakova E. V., Kachalova S. M. The use of creative strategies in advertising as a key to its success 31
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ	MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS
Газнюк Л. М. Философский этос нормы в социальном и экзистенциальном бытии человека 42	Gazniuk L. M. Philosophical ethos of the norm in the social and existential being of man 42
Бейлин М. В. Аналитическая методология в понимании И. В. Гёте 46	Beilin M. V. Analytical methodology in the understanding of J. W. Goethe 46
Глотов М. Б. Е. А. Окладникова. «Деревенька моя» глазами жителей Лаголовского поселения Ленинградской области. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 131 с. 50	Glotov M. B. E. A. Okladnikova. "My Sweet Little Village" through the Eyes of the Inhabitants of Lagolovo Settlement of Leningrad Region. St. Petersburg: Publishing House of Herzen State Pedagogical University of Russia, 2017. 131 p. 50

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 141.78:81

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-3-4-17

Гайдамачук О. В.

КОРРЕЛЯЦИЯ СТАТУСА ИНТОНАЦИИ И СТАТУСА
ФИЛОСОФИИ В «О ГРАММАТОЛОГИИ» Ж. ДЕРРИДА

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»,
ул. Кирпичева, д. 2, г. Харьков, 61002, Украина, haidamachuk@gmail.com

Аннотация. Исследуется имплицитное содержание тезиса Ж. Деррида о генезисе философии из фонетического письма: *интонация* оказывается «структурным началом философии как науки» и как «логоцентрический» способ чтения теперь должна уступить свое место будущему способу чтения – артикуляции. Выдвигается гипотеза, что для автора «О грамматиологии» смена статуса *интонации* влечет за собой смену статуса философии, что, в свою очередь, предполагает вытеснение «эмоциональных» *интонаций* метафизики «рациональными» артикуляциями грамматиологии. Сравнение «эмоциональной» и «рациональной» лексики отрывков из двух текстов, представляющих разные эпохи – из «мета-физического» текста Руссо и «мета-философского» текста Деррида – показывает, что *ретроспекция* Руссо базируется как на оценочной, так и на нейтральной лексике, а в *перспективной ретроспекции* Деррида преобладает абстрактная лексика, семантически обращенная к интеллекту. То есть на лексическом уровне гипотеза подтверждается, но попутно было обнаружено, что Деррида использует более богатый арсенал интонационных средств, нежели Руссо, стараясь подчинять их артикуляции, «обходные маневры» которой нацелены на мета-философию, но пока только дают голос *детонациям*, тщательное изучение которых в будущем позволит полнее освоить артикуляции философского письма.

Ключевые слова: *интонация*; *детонация*; философия; артикуляция; Деррида; Руссо; письмо.

O. V. Haidamachuk

CORRELATION OF THE STATUS OF INTONATION
AND THE STATUS OF PHILOSOPHY IN J. DERRIDA'S
"OF GRAMMATOLOGY"

National Technical University "Kharkiv Polytechnic Institute", 2 Kyrpycheva St., Kharkiv, 61002,
Ukraine, haidamachuk@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the study of the implicit content of Derrida's thesis on the genesis of philosophy from phonetic writing: *intonation* turns out to be "the structural source of philosophy as a science" and as a "logocentric" way of reading, now must give way to a future way of reading – articulation. We propose a hypothesis that for the author of "Of Grammatology" the change in the status of *intonation* entails a change in the status of philosophy, which in turn implies the replacement of the "emotional" *intonations* of metaphysics with "rational" articulations of grammatology. Comparison of the "emotional" and "rational" vocabulary of passages from two texts representing different epochs – from the "meta-physical" text of Rousseau and the "meta-philosophical" text of

Derrida – shows that Rousseau's *retrospective* is based on both evaluative and neutral vocabulary, and in a *prospective retrospective* of Derrida, abstract vocabulary predominates which is semantically addressed to the intellect. That is, the hypothesis is confirmed at the lexical level, but it was also discovered that Derrida uses a richer arsenal of intonation means than Rousseau, trying to subordinate their articulations, whose "roundabout maneuvers" are aimed at meta-philosophy, but so far only give voice to *detonations*, which in the future will make it possible to master the articulations of philosophical writing more fully.

Key words: *intonation; detonation; philosophy; articulation; Derrida; Rousseau; writing.*

«... В нашу эпоху оказывается, что именно в тот самый момент, когда фонетическое письмо – историческое начало и структурная возможность философии как науки, условие эпистемы – распространяется на всю мировую культуру¹, оно уже не отвечает запросам науки, ее последним достижениям».

Ж. Деррида²

Жак Деррида провозгласил крайнюю нужду в новой глобальной (не региональной) науке о письме – грамматологии, главной проблемой которой должна быть «проблема имени человека» как «единства понятия человека», вне представления о «бесписьменных» народах [7, с. 218] в глобальном смысле, поскольку «старая метафизика» (иначе «логоцентризм») не позволяла этого сделать. Поэтому Деррида пытается деконструировать ее. Наш опыт чтения «О грамматологии» открыл, что деконструктор практиковал *детонацию* [3, с. 118] (как отказ от «фоноцентричной» интонации). Причина, почему он сам не осознал этого, коренится в языке.

Разъяснить это нам поможет сравнение оригинального текста с его переводами на предмет частоты употребления слова «интонация». Русскоязычная версия «О грамматологии» содержит около 70 случаев, хотя в оригинале [14] читатель едва найдет два слу-

чая. В англоязычной версии содержится около 10 употреблений слова «интонация». О чем это говорит? – Ответ прост: французский и английский языки располагают рядом синонимов (например, *inflection, accent* и другие), отсутствующим в русском языке. Избыточность одного языка по сравнению с лаконичностью другого в случае со словом «интонация» не только обнажает языковое различие, но и порождает различие³. В ситуации философского текста подобные различия открывают то, что один язык не может исчерпать весь философский ресурс текста из-за собственной (языковой) ограниченности. И чем больше языков мы можем задействовать для чтения одного и того же текста, тем больше философских ресурсов становится нам доступно. Так, именно скудость синонимов к слову «интонация» в русском языке создает впечатление, что «интонация» – важный термин грамматологии, эквивалентный по значимости «артикуляции»⁴. В оригинальном тексте, где синонимия рассредоточивает вес отдельного слова, такой однозначности нет. Что еще открывает лингвистический анализ?

Деррида объяснил нам, что появление философии обусловлено двумя причинами: 1) фонетизацией и 2) линейризацией письма. Он (через голос А. Леруа-Гурана) достаточно четко прописывает, что, хотя линейное письмо как «средство вытеснения многомерной символической мысли» [7, с. 221] и породило философскую и научную мысль

¹ Во всех работах по истории письменности внимание уделяется проблеме введения фонетического письма в тех культурах, где оно отсутствовало. Ср., например, EP ["L'écriture et la psychologie des peuples" (Actes d'un colloque) (1963)], p. 44 sq. или "La reforme de l'écriture chinoise" в "Linguistique, Recherches internationales à la lumière du marxisme", № 7, mai-juin 1958. – Примечание Ж. Деррида.

² [7, с. 116]

³ Стоит заметить, что ровно наоборот обстоит дело с артикуляцией.

⁴ Термин «артикуляция», не имеющий «дублеров» во французском, в русском переводе часто встречается как «членораздельность», тем самым создавая иную статистику употреблений, по сравнению с оригиналом.

[см. 7, с. 222], нынешние потрясения философии рушат линейно-эпическую – совершенно несовременную модель. Вопрос о современных моделях обременяется подстрочным смыслом того же тезиса: в процессе фонетизации письма важную роль сыграли языки интонационные, и именно интонация должна была продвигать «линеаризацию»: «линейность неразрывно связана с фонологизмом» [7, с. 201]. На это стоит обратить внимание уже потому, что к осовремениванию модели философии Деррида предлагает продвигаться через «приостановку» интонации и актуализацию артикуляций письма. Но должна ли смена статуса интонации в философском тексте влечь за собою смену статуса самой философии, с учетом того, что логоцентрическое «прошлое» философии деконструктор фактически выводит из интонации, а ее грамматологическое «будущее» связывает с артикуляцией?

Начнем с того, что в древнегреческих текстах, сохранившихся до наших дней, зафиксированы первые попытки философствования: «вся совокупность истории философии мыслится, исходя из своего *греческого* [курсив Деррида] источника...» [6, с. 369]. И мы не можем опровергнуть слова Деррида о том, что «фонетизация письма – это историческое начало и структурная возможность философии как науки» [7, с. 116], поскольку греческий язык – вокальный и имеет фонемную (не иконическую, не морфемную и т.д.) систему письма⁵. И значит, сам факт возникновения философии в языке с интонацией деконструирует процитированные в эпиграфе слова Деррида: фонетизация письма вокального языка (с интонацией!) – «историческое начало и структурная возможность философии как науки» [7, с. 116]. В этом «неслыханном» подтексте возможность возникновения философии укоренена в языке с определен-

ным интонационным статусом⁶. Как будто эта возможность актуальна именно для общества с некой «слуховой субординацией» среди языковых пользователей: не каждый способен определять «правильную» интонацию⁷. В отличие от «вокального» общества, преобладающее большинство пользователей тоновых языков⁸ имеют существенно более тренированный и чуткий слух (от этого зависит их языковая компетентность). А чуткий слух важен не только во время слушания, но и при чтении.

Интонация – одна из стартовых систем в освоении родного языка⁹. С другой стороны, именно интонация – осложняет свободное овладение иностранным языком [см. 17]: адаптация к интонации чужого языка, тренировка восприимчивости собственного слуха и усвоение чужой интонации требуют гораздо больше времени, чем для родной речи. Однако, в целом, такой опыт способствует познанию и восприятию родных интонаций: по-

⁶ Маршалл Мак-Люэн доказывал, что «интериоризация технологии фонетического алфавита», характерная для западной цивилизации, «перемещает человека из магического мира звука в нейтральный визуальный мир» [10, с. 26]. Ухо противопоставляется глазу как два кардинально различных канала мировосприятия: для Мак-Люэна «мир уха – это горячий гиперэстетический мир, а мир глаза – относительно прохладный и нейтральный, западные люди кажутся представителям слуховой культуры очень холодной рыбой» [10, с. 27-28]. Здесь ощутимо то же, что и у Руссо, противопоставление эмоциональной речи холодному письму.

⁷ Именно среди носителей вокальных языков, по сравнению с тональными, наблюдается больше тех, «кому медведь на ухо наступил» [12]. Это объясняется тем, что пользователи тональных языков должны различать значительно большую смысловую нагруженность смены тона: «носители нетональных языков менее чутки к тональным контрастам, чем люди с предыдущим тональным опытом» [23, с. 2]. Кроме характерной и для пользователей вокальных языков способности различать изменение высоты тона на уровне высказывания (то есть воспринимать эмоциональную и другую паралингвистическую информацию, ударение, контраст и др.) в речи, носители тональных языков должны различать тоновую изменчивость еще и на уровне слова, и даже на уровне согласных и гласных.

⁸ Cruttenden A. утверждает, что преобладающее большинство языков мира – именно тоновые [см. 13, с. 15].

⁹ Ребенок изучает ее одной из первых [см. 16].

⁵ Первое греческое письмо, которым пользовались между 1500 и 1200 гг. до н. э. нашли в городе Микены. Оно известно как Линейное письмо Б. Что характерно, греческий алфавит является первым, в состав которого вошли гласные буквы [см. 5]. Ч. Лоукотка назвал эту новацию «введением вокализации» [9, с. 143].

добные вызовы развивают и обогащают интонационный слух.

При неопределенности точного числа языков, употребляемых сейчас в мире, признано, что огромное их количество уже исчезло и продолжает исчезать. Так, с 1996 года ЮНЕСКО издает карту исчезающих языков. Если в первом издании было перечислено 600 таких языков, во втором (2001) – 800, то в третьем издании (2012) список исчезающих языков увеличился до 2500, что, по оценкам ЮНЕСКО, составляет больше трети ныне используемых в мире языков [21, с. 2-3]. Это опасная тенденция, поскольку каждые несколько недель в мире еще один язык теряет статус живого. Каждый язык как особенный способ воспринимать этот мир должен считаться общим достоянием всего человечества, особенно в сфере непереводаемости: *«Много языков – это много миров, много способов открыться миру»* [8, с. 17], и каждый язык – это *«определенный тип мира»* [8, с. 19]. То есть все человечество стремительно нищает на разнообразие миров, их типов и способов им открываться. В сфере «национальных» философий (философия как особенный способ употребления языка вообще и конкретного языка, в частности) актуализируются несколько разная проблематика и несколько разные интонации (на фоне разных детонаций) просто потому, что употребляются разные языки и культивируется разная слуховая способность.

Деррида отождествляет логоцентризм именно с западной философией: *«Логоцентризм – это этноцентрическая метафизика в изначальном... значении этого слова. Он связан с историей Запада»* [7, с. 211]. То есть мы снова возвращаемся к ареалу преобладания вокальных (интонационных) языков. В глобализационные времена нам предстоит найти все преимущества языкового разнообразия, чтобы подготовиться к растущему влиянию «детонаций». «The Ethnologue» (всеохватывающая работа по созданию каталога всех донныне употребляемых языков в мире) [19] еще год назад представляла 7102 известных живых языка, четыре из которых за истекший год сменили свой статус «живых» на «исчезающие». Не у всех живых

языков есть собственная система письма, не все они позволят, скажем, переводить философские тексты. Но Деррида не видит в этом препятствия для распространения философии: *«структурная возможность философии как науки... распространяется на всю мировую культуру»* [7, с. 116]. Отсутствие системы письма вовсе не отнимает у народа способности к языку. Саму эту способность Деррида прочитывает как письмо. А, значит, и «почва» для философии найдется везде, тем более что и перевод философского текста Деррида считает деконструкцией¹⁰.

Атлас мировых языков «The World Atlas of Language Structures Online» [20] показывает что большинство тоновых языков находится в центральной Африке и на юго-востоке Азии. И это не случайно, как выяснила группа исследователей вместе с Каледом Эверетом, потому что качество звукопроизводства и звуковосприятия зависит от среды обитания: *«человеческая звуковая система подлжит влиянию факторов окружающей среды»* [15]. Это значит, что не только культурное, но и природное окружение влияет на способ использования языка, а в итоге на сам язык и на способ мыслить (и на способ жить). Эта сеть связей особенно интересна в контексте сквозного аргумента Ж.-Ж. Руссо в «О происхождении языков...»: *«Стремимся ли мы отыскать истоки ремесел или наблюдаем первоначальные нравы, мы видим, что в своей основе все восходит к способам обеспечить существование. И те способы, которые объединяют людей, обусловлены климатом и свойствами почвы. Итак, именно этими причинами следует объяснять разнообразие языков и их различный характер»* [11, с. 110]. Или: *«природа диктует человеку звуки»* [11, с. 90]. Деррида тщательно деконструирует этот аргумент в своей «О грамматиологии». А мы предлагаем экстраполировать этот тезис на философию: укорененная в интонационном языке (обусловленном климатом и культурой) философия готова сменить свой статус без смены своей «почвы» и «корней», но что обещает ей глобализация и освоение тоновых языков?

¹⁰ Н. Автономова: «У Деррида переводческая работа соизмерима с работой деконструкции» [1, с. 100].

Ведь если интонирование, обусловленное определенными природно-культурными условиями, наконец формирует мозг, способный философствовать, то чего ждать от мозга, который нацелен на артикулирование? Другими словами, если интонирование конституирует философию как таковую, то что сможет дать артикулирование¹¹, если, согласно Деррида, интерпретировать его:

- как высший (более глубокий) уровень философствования, открывающийся только после освоения интонационного уровня,
- или как кардинально новый – и, соответственно, не-философский (скажем, пост-философский или мета-философский?) – способ употребления письменной речи (письма / чтения)?

В статье «Связаны ли статус интонации и статус философии в “О грамматиологии” Жака Деррида?» [4] мы сопоставили интонационно-артикуляционные средства отрывка из «логоцентрического», по оценке Деррида, текста Руссо «О происхождении языков...» [11] с такими же средствами отрывка из «грамматологического» текста Деррида [7], в которых оба автора высказались о философии. Нас интересовали два момента: 1) «эмоционально-интонационное богатство» и 2) сила «диктата» интонаций обоих фрагментов. Поэтому сравнивалась лексика двух типов: 1) обращенная скорее к эмоциям и 2) адресованная преимущественно рациональности. Ставя такую задачу, мы исходили из того, что, во-первых, эмоциональная лексика принадлежит к числу интонационных средств текста и, во-вторых, нейтральная лексика с семантикой интеллекта или умственной деятельности может быть ключем для понимания артикуляции (в том значении, которое ей приписывают Руссо и, особенно, Деррида).

В результате мы обнаружили, что Руссо, разбирая способы трансляции мыслей [11, с. 134-135], разграничивает в речи два информационных пласта, каждый из которых

¹¹ Артикуляция – это не просто нулевой уровень интонации, для Деррида это прежде всего канал, по которому через любой текст к нам прямо обращается письмо (как язык в расширенном смысле). И, значит, сосредоточенность на артикуляции, пронизывающая всю грамматиологию, кажется нам попыткой выработать методологию считывания *ин-* и *де-*тонаций.

транслируется через свой канал: *эмоции* передаются через интонации (обеспечивая «живость» речи), а *логическое содержание* – через артикуляции. Для Руссо *прогресс* рациональности происходит за счет *регресса* «живых эмоций» и потери свободы. Когда речь добыла власть над разумом, произошел «поворот» от «эмоциональной» речи к «рациональной», мыслимые как кардинально противоположные: искусство «трогать сердце» противопоставляется «искусству убеждения». Как он характеризует отношения интонации и философии? – Он *интонирует* тезис о негативном влиянии философии на интонацию, но собственными *детонациями* подрывают этот тезис: как сенсуалист, он рассчитывает на эмоции и желания, которые его передают и все равно возвращают к «всегда-уже» разуму. И, как комментирует Деррида, эта катастрофа для Руссо «облечена в форму философского разума» [7, с. 366]. В разобранном ранее фрагменте (197 слов) у Руссо преобладала апелляция к эмоциям (22 случая, из которых 15 – негативная оценка, против девяти позитивной).

Разбор фрагмента (200 слов) текста Деррида [7, с. 222-223], где деконструктор *интонирует* тезис о несовременности «линейной» интонации и необходимости ее особенного перечеркивания вместе с понятиями «человек» и «наука» (включительно с «философией») и замещения инновационно «нелинейной» артикуляцией. *Детонируется* этот тезис двумя замечаниями: 1) «устаревает» интонация только на стадии повторного чтения (поскольку нелинейность разворачивается из линейности), 2) деконструкция освобождает *детонационный шлейф* самой *интонации*, тем самым возвращая ей право голоса. В этом отрывке найдены: 1) *меньшие обращения к эмоциям* (причем исключительно негативным), чем в отрывке из текста Руссо, 2) *существенное преобладание* лексики, обращенной к разуму (23 случая против семи апелляций к эмоциям), и 3) *скондесированная императивность*. Последнюю мы приняли как свидетельство использования инструментария «диктующего» тона. Сопоставление результатов привело нас к выводу, что смена статуса интонации письма не только осмысливается Деррида, но и практи-

куется в его попытках выработать новый способ чтения / письма на подступах к будущей мета-науке.

Сравнение фрагментов показало, что общим для текстов Руссо и Деррида есть их направленность за пределы ситуации «здесь-и-теперь», но если Руссо настроен *ретроспективно* («грезит» об утраченной живой речи), то Деррида настроен *проспективно-ретроспективно* (будущее перечитывание старых текстов иным способом).

В этой статье мы преследуем цель продолжить сопоставление лексики из других отрывков тех же текстов, чтобы сравнить полученные результаты и уточнить предыдущие выводы.

Итак, вернемся к Руссо. Разберем другой фрагмент «Опыта...».

«Письменность, которая как будто должна закрепить в языке установившиеся формы, как раз меняет его. Она искажает не слова, а дух языка, подменяя выразительность точностью. В разговоре мы передаем свои чувства, в письме – мысли. Когда мы пишем, нам приходится брать все слова в их общем значении, говорящий же изменяет их с помощью интонации и определяет значения произвольно; он менее стеснен ясностью, и потому речь его более энергична. Язык, на котором пишут, не может долго сохранять живость, присущую языку лишь разговорному. Мы записываем гласные без высоты звука, а в языке с богатой интонацией именно высота звука, акценты, оттенки всех видов придают речи величайшую энергию, а фразе, даже обычной, - выразительность. Средства, которыми пытаются заменить эту энергию, приводят к растянутости письменного языка и, переходя из книг в речь, расслабляют устное слово¹². Когда говорят “как по писаному”, то не говорят, а читают»¹³. (Отрывок содержит 139 слов [11, с. 98]).

¹² Н. Автономова так переводит это место: «а обычную фразу делают *точной лишь в том месте, где она находится*. Средства, которыми пытаются *восполнить* это, удлиняют написанное, а при переходе из книг в речь расслабляют ее» [7, с. 468].

¹³ В оригинале: «L'écriture, qui semble devoir fixer la langue, est précisément ce qui l'altère; elle n'en charge pas les mots mais le génie; elle substitue l'exactitude à l'expression. L'on rend ses sentimens quand on parle &

В этом фрагменте дублируется тезис о бинарном канале трансляции речи (интонация / чувства – артикуляция / мысли) с небольшими вариациями, по сравнению с фрагментом, разобранным в предыдущей статье: *чувства* заменяют здесь эмоции, а *мысли* – рациональность. По-прежнему мыслится, что в устной речи доминирует интонационный канал, а в письменной речи – артикуляционный. Чувствуется *ретроспективная* ностальгия. Руссо *интонирует* тезис о негативном влиянии письменности на *интонацию*, но собственными *детонациями* подрывают этот тезис: письменность оказывается более энергоэффективной, поскольку, будучи «менее энергичной», она более точно/ясно передает мысли. К тому же письменный язык, согласно Руссо, хоть и не долго, но все же способен сохранять «живость» устной речи, которая сама по себе не способна ни к какому отсрочиванию и консервации. В *детонациях* Руссо прочитывается и то, что восполнительность работает как в отношении письменности (подмена выразительности точностью), так и в отношении устной речи (подмена ясности энергичностью).

Теперь попытаемся выяснить, какой лексикой доносится этот тезис: выделим слова, несущие смысловые оттенки скорее эмоциям (отдельно в позитивном и негативном ключе), и лексику, адресованную интеллектуальной деятельности¹⁴ (мы осознаем всю условность этого разделения) (табл. 1).

ses idées quand on écrit. en écrivant on est force de prendre tous les mots dans l'acception commune; mais celui qui parle varie les acceptions par les tons, il les détermine comme il lui plaît; moins gêne pour être clair, il donne plus a la force, & il n'est pas possible qu'une langue qu'on écrit garde long-tems la vivacité de celle qui n'est que parlée. On écrit les voix & non pas les sons: or dans une langue accentuée ce sont les sons, les accens, les inflexions de toute espece qui sont la plus grande énergie du langage; & rendent une phrase, d'ailleurs commune, propre seulement au lieu ou elle est. Les moyens qu'on prend pour suppléer a celui-là étendent, alongent la langue écrite, & passant des livres dans le discours énervent la parole meme en disant tout comme on l'écriroit on ne fait plus que lire en parlant». [22, p. 375-376].

¹⁴ По выражению Г. Каколириса, «артикуляция абстрактных мыслей» [18, с. 500].

Таблица 1

Сопоставление лексики Руссо

Table 1

Rousseau's vocabulary comparison

(обращенная к эмоциям) оценочная лексика		№	обращенная к разуму
позитивная	негативная		нейтральная лексика
должна закрепить	искажает не слова, а дух языка	1	письменность
выразительность	подменяя выразительность точностью	2	установившиеся формы
менее стеснен ясностью	не может долго сохранять живость	3	слова... языка
речь его более энергична.	пытаются заменить эту энергию	4	точность
в языке с богатой интонацией	приводят к растянутости письменного языка	5	брать все слова в их общем значении
придают речи величайшую энергию	расслабляют устное слово	6	определяет значения
выразительность		7	речь
		8	язык, на котром пишут
		9	гласные
		10	в языке с ... интонацией
		11	высота звука
		12	акценты
		13	оттенки всех видов
		14	фразе
		15	средства
		16	переходя из книг в речь
		17	говорят "как по писаному"
		18	читают

Получается, что в этом фрагменте 13-ти случаям (семь позитивных и шесть негативных) обращения скорее к эмоциям противостоят 18 случаев, обращенных скорее к разуму. Казалось бы, преобладает нейтральность, поскольку даже оценочная лексика уравнивает и как бы нейтрализует друг друга паритетностью. Контрастно оттеняя друг друга, лексика с противоположным «зарядом» служит автору дополнительным средством убеждения. Однако явно доминирует *тон избличающего сетования* (письмо не оправдало оказанного ему доверия и нанесло непоправимый ущерб). Причем Жан-Жак интонирует в сослагательно-императивном ключе

(как будто должна) и через многочисленные «мы» и «нам»¹⁵ выражается от имени своего читателя без его на то согласия. Тем самым создается эффект сплоченности перед лицом «общей угрозы» – письма. Письменность и язык у Руссо мыслятся как самостоятельные субъекты действия: *письменность меняет, язык не может долго сохранять*. Безличные предложения используются редко.

Комментируя этот фрагмент, Деррида пишет: «Сам акт письма лучше всего определяется глаголом “восполнять”, “заменять”».

¹⁵ «В разговоре мы передаем ... Когда мы пишем, нам приходится ... Мы записываем...».

Это первое и последнее слово в главе «О письме». Вводный абзац мы уже прочитали. А вот и последние строки...¹⁶ Если восполнительность есть бесконечный процесс, то письмо есть восполнение как таковое, поскольку именно оно отмечает ту точку, где восполнение выступает как восполнение восполнения, как знак знака, как *заместитель* [курсив Деррида] уже означающей речи: письмо сдвигает *собственное место* [курсив Деррида] фразы, тот уникальный момент, когда она была произнесена неким незаменимым субъектом, и кроме того, расслабляет голос. Оно отмечает место исходного повторения. Между этими двумя абзацами, во-первых, дается краткий анализ различных структур и общего становления письма; во-вторых, на основе предпосылок этой типологии и этой истории строится пространное рассуждение о буквенном письме и об оценке смысла и значимости вообще. Несмотря на все заимствования, эта история и эта типология у Руссо весьма своеобразны¹⁷. (Фрагмент содержит 133 слова [7, с. 468]).

Деррида считает камертоном главы «О письме» у Руссо глагол *восполнять*, согласно чему он *интонирует*, что по причине «бесконечности процесса восполнения» письмо всегда-уже есть речь. *Детонирует* этот тезис

¹⁶ Цитата Руссо от «*Мы записываем*» до «*а читают*» здесь по понятным причинам опущена.

¹⁷ «Le verbe «*suppléer*» [курсив Деррида] définit-bien l'acte d'écrire. C'est le premier et le dernier mot du chapitre De l'écriture. Nous en avons lu le paragraphe d'ouverture. En voici les dernières lignes ... Si la supplémentarité est un procès nécessairement indéfini, l'écriture est le supplément par excellence puisqu'elle marque le point où le supplément se donne comme supplément de supplément, signe de signe, *tenant* [курсив Деррида] lieu d'une parole déjà signifiante: elle déplace le *lieu proper* [курсив Деррида] de la phrase, l'unique fois de la phrase prononcée *hic et nuic* [курсив Деррида] par un sujet irremplaçable, et en retour énerve la voix. Elle marque le lieu du redoublement initial: Entre ces deux paragraphes: 1) une analyse très brève des diverses structures et du devenir général de l'écriture; 2) à partir des prémisses de cette typologie et de cette histoire, une longue réflexion sur l'écriture alphabétique et une appréciation du sens et de la valeur de l'écriture en général. Ici encore, malgré des emprunts massifs, l'histoire et la typologie restent très singulières» [14, с. 398].

условно-сослагательное наклонение, поскольку оставленная в детонационном шлейфе интонации частица *не* остается «под рукой» у внимательного читателя, имеющего право спросить: а если восполнительность *не* есть бесконечный процесс, то и письмо – *не* восполнение как таковое?

Деконструктор так же, как Руссо, прибегает к «мы», напоминая читателю о роднящем их процессе чтения. Но все ключевые тезисы он формулирует в безличной форме и воздерживается от оценок, сформулированных от первого лица: кто считает историю и типологию Руссо «весьма своеобразной»? Создается эффект самоустраняющегося «незаменимого субъекта», как бы самоперечеркивание – еще один жест Деррида в борьбе за новый способ чтения. Письмо у Деррида, как и у Руссо, мыслится субъектом действия: *письмо отмечает точку и место, письмо сдвигает место и расслабляет голос.*

Выбрав из отрывка использованную Деррида оценочную лексику, обращенную к эмоциям, и лексику, апеллирующую к умственной деятельности, получим следующее (осознавая условность распределения), представленное в табл. 2.

С одной стороны, в этом отрывке существенно меньше обращений к эмоциям (паритет: два позитивных и два негативных), чем во фрагменте из текста Руссо, а с другой стороны, тут ощутимо преобладает нейтрально-абстрактная лексика (26 случаев против четырех). В отличие от Руссо, Деррида пользуется курсивом (как одним из интонационных средств письма), чтобы расставить акценты в своем тексте и в цитате Руссо¹⁸. Курсивное вмешательство в чужой текст, как правило, нацелено на интонацию и представляет собой одно из проявлений деконструкции (деконструкция *интонации* или *детонация*).

¹⁸ В оригинале курсивом даются не только слова *tenant-заместитель, lieu proper-собственное место*, но также *hic et nuic-произнесена isuppléer-восполнять*. Кроме того, в цитате Руссо он выделяет курсивом слова *точной лишь в том месте, где она находится (propre seulement au lieu où elle est)*, и *восполнить (suppléer)*.

Таблица 2

Сопоставление лексики Деррида

Table 2

Derrida's vocabulary comparison

(обращенная к эмоциям) оценочная лексика		№	обращенная к разуму лексика
позитивная	негативная		
<i>лучше всего</i>	<i>расслабляет голос</i>	1	<i>акт письма</i>
<i>весьма своеобразны</i>	<i>пространное рассуждение</i>	2	<i>определяется глаголом</i>
		3	<i>первое и последнее слово</i>
		4	<i>в главе «О письме»</i>
		5	<i>вводный абзац</i>
		6	<i>последние строки</i>
		7	<i>восполнительность</i>
		8	<i>бесконечный процесс</i>
		9	<i>письмо</i>
		10	<i>восполнение как таковое</i>
		11	<i>отмечает ту точку</i>
		12	<i>восполнение выступает как восполнение восполнения</i>
		13	<i>как знак знака</i>
		14	<i>как заместитель уже означающей речи</i>
		15	<i>письмо</i>
		16	<i>место фразы</i>
		17	<i>уникальный момент</i>
		18	<i>незаменимым субъектом</i>
		19	<i>место исходного повторения</i>
		20	<i>абзацами</i>
		21	<i>краткий анализ различных структур</i>
		22	<i>общего становления письма</i>
		23	<i>на основе предпосылок этой типологии и этой истории</i>
		24	<i>рассуждение о буквенном письме</i>
		25	<i>об оценке смысла и значимости</i>
		26	<i>заимствования</i>

Таким образом, мы находим, что в разобранном фрагменте автор «О грамматиологии» использует преимущественно нейтральную лексику, апеллирующую скорее к разуму. Однако задействованные интонационные средства указывают на то, что даже якобы «лишенная командной роли» в письме интонация остается неустранимой «силой»¹⁹ наряду с артикуляцией. Чувствуется, что арсенал задействованных интонационных средств в отрывках из текстов Деррида и Руссо отличается: фрагмент Руссо, несмотря на преобладание абстрактной лексики, более эмоциона-

льно насыщен (в лексическом плане), чем фрагмент Деррида, но деконструктор чаще и разнообразнее применяет неявные интонационные средства (камертон, курсив, оценочная лексика, сослагательность и т.д.). Эта практика вписывается в контекст его стремления подчинить интонацию артикуляции, поскольку она для Деррида – одновременно более глубокий уровень философствования, который становится доступным после освоения интонационного уровня, и кардинально новый – мета-философский – способ письма / чтения.

Какие выводы следуют из выполненного выше лексического сопоставления? В обоих

¹⁹ Ж. Деррида пишет о конфликте интонации-артикуляции как о конфликте сил [см. 7, с. 398].

отрывках чувствуется убедительная доминанция нейтральной лексики, обращенной скорее к разуму, чем к чувствам, хотя в целом Руссо гораздо чаще, чем Деррида, прибегает к оценочной лексике. Игра на лексических контрастах помогает Руссо казаться более убедительным. Деррида сдержан в употреблении оценочной лексики, поскольку располагает более богатым арсеналом интонационных средств и предпочитает использовать менее явные из них. Но фактически роль интонации не нивелирована и не «приостановлена», хотя и отмечаются попытки подчинить ее артикуляции (например, в намеренном обезличивании). Сопоставление полученных выводов с прежними результатами позволяет уточнить несколько моментов: 1) преобладание оценочной лексики в тексте Руссо не является постоянным явлением (в первом отрывке такой лексики было больше, а во втором найдено больше нейтральной лексики), хотя в целом обнаружено явное, по сравнению с текстом Деррида, предпочтение оценочных слов; 2) в тексте Деррида обнаруживается последовательное (в двух отрывках) предпочтение абстрактной лексики и преобладание неявных интонационных средств.

Согласно Деррида, логоцентрическая²⁰ эпоха (или так называемая «эпоха Руссо» [7, с. 237]) исключила возможность вопрошать о происхождении и статусе письма, подчинившись «диктату» полной речи (читай: диктату интонации): «Именно в системе языка, связанной с фонетико-алфавитным письмом, возникла логоцентрическая метафизика, определявшая смысл бытия как наличия. Этот логоцентризм, эта эпоха [курсив Деррида] полной речи всегда заключала в скобки, *приостанавливала* [курсив Деррида], подавляла – причем по весьма важным причинам – всякое свободное размышление о происхождении и статусе письма...» [7, с. 163]. И если «диктат» наличной интонации прежде нивелировал статус артикуляций письма, то теперь расставу-ированное Деррида философское письмо актуализирует вопрос о своем новом статусе. И поскольку «О грамматологии» содер-

жит отдельный подраздел с заголовком «Артикуляция» (в переводе Н. Автономовой – «Членораздельность»²¹), подразумевается, что интонация²² должна уступить свой статус в пользу артикуляции в эту грядущую эпоху, которую предчувствует и прогнозирует Деррида. Уже на подступах к этой эпохе прояснилось, что эта уступка будет сопровождаться усилением детонационного шлейфа, что повлечет за собой не только размывание понятия «правильное чтение», но также, не исключено, исказит²³ тексты, которые подвергнутся деконструкции. Следующие шаги обещают открыть больше.

Грядущая эпоха в награду за серьезную подготовку, согласно Деррида, должна сулить реабилитацию письма (и артикуляции), для изучения которого уже сейчас назрела острая потребность (грамматология вместо метафизики), в основание которой должны лечь результаты ревизии предыдущей эпохи: «Речь идет о том, чтобы прояснить важнейшие узлы (*articulation*) логоцентрической эпохи» [7, с. 318]. Это призыв с центростремительной линейности интонации переключиться на центробежную нелинейность «артикуляционного раздорожья» в метафилософии. «Детонации»²⁴, которые в фоноцентрическую эпоху не сподвиглись на «дик-

²¹ В третьем разделе второй главы.

²² Деррида подчеркивает, что понятие «интонация» ему необходимо для деконструкции теории отношений речи и письма: «Интонация. Мы уделили так много времени спору Руссо с Рамо именно для того, чтобы четче выделить это понятие. Мы не можем без него обойтись, подходя теперь к теории отношений между речью и письмом» [7, с. 381].

²³ G. Kakoliris считает, что деконструкция предлагает ошибочную интерпретацию (*misreading*) текста Руссо [см. 18, с. 499].

²⁴ *Интонация* указывает на отношение говорящего к тому, что он говорит (пишет): что выделяет как «значимое», что «отодвигает на второй план», что хочет скрыть или «лишить голоса». Значит, *детонация* (то, что отброшено говорящим как «вредный излишек» из-за опасности искривления интонации сказанного) очень важна для более глубокого понимания интонации в философии. Более того, интонация читателя не может не нести его собственное отношение к прочитанному, способное резонировать с текстовыми интонациями и тем самым создавать особенный детонационный фон.

²⁰ Или «фоно-центрическая», что мы читаем как *интонационно-центрическая*.

тат» (не были про-ин-тонированы) и оставались в стороне в ожидании подходящего момента, только благодаря Деррида получили и подходящий момент и голос: «...речь идет ... о том, чтобы наконец прочитать в этих томах то, что издавна писалось между строк» [7, с. 222]. Таким образом, сам текст Деррида артикулирует деконструкционное освобождение детонации. Здесь обнаруживается парадоксальная вещь: новый способ чтения / письма, *проспективно* обосновываемый автором «О грамматологии», предлагается использовать для пере-читывания уже написанных текстов: важные тексты уже написаны, но нужно научиться должным образом извлекать из них смысл. То есть деконструктор мыслит *проспективно* только на этапе «обходного маневра», который нужен ему ради свежего, но *ретроспективного* взгляда на уже знакомые вещи²⁵. «Приостанавливая» интонацию и ограничиваясь артикуляцией, Деррида открывает путь межстрочным детонациям, которые должны артикулировать для нас смыслотворческое окружение этих интонаций или даже «подорвать» и «рассеять» его.

Подведем итоги. На основании анализа лексики четырех разных отрывков из текстов Руссо и Деррида (2+2), можно удостовериться, что *ретроспекция* Руссо базируется на оценочной лексике, обращенной к эмоциям, но, как оказалось в случае второго фрагмента, она не всегда преобладает над нейтральной лексикой, а, значит, Руссо одинаково внимателен к обоим «каналам трансляции». Что до деконструктора, то второй фрагмент подтверждает тезис о последовательном преобладании в тексте Деррида нейтральной лексики: его *проспективная ретроспекция* опирается на лексику, апеллирующую к интеллекту. Но если в первом фрагменте была обнаружена императивная модальность, то во втором фрагменте найдены апелляции к камертону, используется курсив, сослагательность и безличные конструкции, что все вместе свидетельствует о более изошренной практике ин-

тонирования. Мы расцениваем это как подтверждение ранее полученного вывода: интонационные средства, не теряя своей актуальности, подчиняются артикуляции, которая «обходными путями» призвана выводить к мета-философии как способности вычитывать безголосые детонации. А значит, и смена статуса интонации письма не только осмысливается Деррида, но и практикуется в его попытках выработать новый способ чтения / письма на подступах к будущей мета-науке. Однако мы считаем, что проделанной работы недостаточно для полновесных выводов, которые нуждаются в дальнейшей проверке и уточнении, что открывает поле для дальнейших исследований в том же направлении с осознанием важной роли детонации (в составе интонации) для освоения артикуляции философского письма.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Автономова, Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. Ограмматологии: Пер. с фр. М.: Ad Marginem, 2000. С. 7–107.
2. Бутова, О.К. Подорож у просторі «Деррида» з деякими зупинками // Вісник Харківського Національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2002. № 561. Філософські перипетії. С. 49-53.
3. Гайдамачук, О. Детонація інтонації в деконструкції // Філософія: нове покоління / Упоряд. Б. Шуба. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. С. 116-123.
4. Гайдамачук, О. Чи пов'язані статус інтонації і статус філософії у «Про граматологію» Жака Дерріда? // Мандрівець. Тернопіль, 2016. № 3 (123). С. 25-33.
5. Грецька мова // Linguapedia.info: Linguistic Encyclopedia [Електронний ресурс] URL: <http://linguapedia.info/uk/movi/grecka.html> (дата обращения: 14.07.2017).
6. Деррида, Ж. Насилие и метафизика. Эссе о мысли Эмманюэля Левинаса: Пер. с франц. А.В. Ямпольской // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М., СПб.: Университетская книга, 2000. С. 367-403.

²⁵ О. К. Бутова такую постмодернистскую методологию называет стратегией «поручения новых смыслов “старым” понятиям» [2, с. 53].

7. Деррида, Ж. О грамматологии / пер. с франц. Автономовой Н. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.

8. Кассен, Б. Больше однієї мови / Пер. з фр. С. Желдак. К.: Дух і Літера, 2016. 64 с. [Электронный ресурс] URL: https://issuu.com/duh-i-litera/docs/barbara_cassin_extract (дата обращения: 15.07.2017).

9. Лоукотка, Ч. Развитие письма. Пер. с чешского Н.Н. Соколова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. 320 с.

10. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры: пер. с англ. А. Юдина. К.: Ника-Центр, 2003. 432 с.

11. Руссо, Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании: пер. с франц. // Руссо Ж.-Ж. Сочинения. Калининград: Янтарный сказ, 2001. С. 85–139.

12. Absolute pitch among students in an American music conservatory: Association with tone language fluency / Deutsch D., Dooley K., Henthorn T., Head B. *Acoustical Society of America.*, Vol. 125, No. 4, April 2009. P. 2398–2403. [Online] URL: http://deutsch.ucsd.edu/pdf/JASA-2009_125_2398-2403.pdf (date of access: July 14, 2017).

13. Cruttenden, A. *Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 214 p.

14. Derrida, J. *De la grammatologie*. Paris: Les Éditions de minuit, 1967. 450 p. [Online] URL: https://www.pileface.com/sollers/IMG/pdf/de_la_grammatologie.pdf (date of access: July 14, 2017).

15. Everett, C., Blasi, D. E. and Roberts, S. G. Climate, vocal folds, and tonal languages: Connecting the physiological and geographic dots // *Anthropology*. [Online] URL: http://calebeverett.weebly.com/uploads/4/2/6/5/4265482/climate_and_tone_with_si.pdf (date of access: July 14, 2017).

16. Hendricks, M. Origins of Babble. *John Hopkins Magazine – 1998*. [Online] URL: <http://www.iitrfoundation.com/wp-content/uploads/2013/12/Baby+Talk.doc> (date of access: July 14, 2017).

17. Jun, S.-A. and Oh, M. Acquisition of Second Language Intonation. *INTERSPEECH – 2000*. [Online] URL:

http://www.researchgate.net/profile/Sun-Ah-Jun/publication/221492021_Acquisition_of_second_language_intonation/links/0deec52b15c392a904000000.pdf. (date of access: July 14, 2017).

18. Kakoliris, G. Misreading Rousseau? Jacques Derrida's Deconstructive Reading of Rousseau's Es-

say of the Origin of languages // *Philosophy Study*, October 2015, Vol. 5, No. 10, Pp. 499-512. [Online] URL:

https://www.researchgate.net/profile/Gerasimos_Kakoliris/publication/298199486_Misreading_Rousseau_Jacques_Derrida's_Deconstructive_Reading_of_Rousseau's_Essay_on_the_Origin_of_Languages/links/56e6b12108aedb4cc8af7410.pdf (date of access: July 14, 2017).

19. Lewis, M. P., Simons, G. F. and Fennig, Ch. D. (eds.) *Ethnologue: Languages of the World. Nineteenth edition*. Dallas, Texas: SIL International, 2016. [Online] URL: <http://www.ethnologue.com> (date of access: July 14, 2017).

20. Maddieson, I. Tone // Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. [Online] URL: <http://wals.info/chapter/13> (date of access: July 14, 2017).

21. Moseley, C. The UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger: Context and Process. AVMG University of Cambridge, 2012. 24 p. [Online] URL: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/WOLP_OP_05_highres.pdf (date of access: July 14, 2017).

22. Rousseau, J.-J. Essai sur l'origine des langues, Ou il est parle de la Mélodie & de l'imitation Musicale. *Collection complete des oeuvres*. Genève, 1780-1788. T. VIII, Pp. 355-434. Version Beta 07.10.2012. [Online] URL: <http://www.rousseauonline.ch/Text/essai-sur-l-origine-des-langues.php> (date of access: July 14, 2017).

23. Schaefer, V. and Darcy, I. Linguistic Prominence of Pitch within the Native Language Determines Accuracy of Tone Processing // *Selected Proceedings of the 2012 Second Language Research Forum*, ed. Ryan T. Miller et al., 1-14. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. [Online] URL: http://www.indiana.edu/~psyling/papers/Schaefer_Darcy_paper3081.pdf (date of access: July 14, 2017).

References

1. Avtonomova, N. S. Derrida and Grammatology. In: Derrida J. *Of Grammatology*. Moscow: Ad Marginem, 2000. Pp. 7-107. (in Russ.)

2. Burova, O. K. Travelling in the Space of «Derrida» with Some Stops. In: *Visnyk of The Karazin Kharkiv National University*. Philosophski Perypetiyyi. No. 561. 2002. Pp. 49-53. (In Ukr.)

3. Haidamachuk, O. Detonation of Intonation in Deconstruction. *Philosophy: New Generation*. Kiev: Publishing House "Kyevo-Mogylyans'ka academia", 2008. Pp. 116-123. (In Ukr.)
4. Haidamachuk, O. Are the Intonation Status and the Philosophy Status Joined in "Of Grammatology" by J. Derrida? *Mandrivec'*. Ternopil'. No. 3 (123). 2016. Pp. 25-33 (In Ukr.)
5. The Greek Language. *Linguapedia: Linguistic Encyclopedia*. [Online] URL: <http://linguapedia.info/uk/movi/grecka.html> (date of access: July 14, 2017).
6. Derrida, J. Violence and Metaphysics. An Essay on the Thought of Emmanuel Levinas. In: Levinas, E. *Favorites. Totality and the Infinite*. Moscow, St Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. Pp. 367-403. (in Russ.)
7. Derrida, J. *Of Grammatology*. Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 p. (in Russ.)
8. Kassen, B. *More than One Language*. Kiev: Duh i Litera, 2016. 64 p. [Online] URL: https://issuu.com/duh-i-litera/docs/barbara_cassin_extract (date of access: July 14, 2017) (In Ukr.)
9. Loucotka, Ch. *Writing Development*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1950. 320 p. (in Russ.)
10. Mak-Lyuen, M. *Galaxy of Guttenberg*. Kiev: Nika-Centr, 2003. 432 p. (in Russ.)
11. Russo, J.-J. Esse About the Origin of Languages... *Selected Works*. Kaliningrad: Yantarny skaz, 2001. Pp. 85-139. (in Russ.)
12. Absolute Pitch Among Students in an American Music Conservatory: Association with Tone Language Fluency / Deutsch D., Dooley K., Henthorn T. and Head B. *Acoustical Society of America*. Vol. 125. No. 4. April 2009. Pp. 2398-2403. [Online] URL: http://deutsch.ucsd.edu/pdf/JASA-2009_125_2398-2403.pdf (date of access: July 14, 2017).
13. Cruttenden, A. *Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 214 p.
14. Derrida, J. *De la grammatologie*. Paris: Les Éditions de minuit, 1967. 450 p. [Online] URL: https://www.pileface.com/sollers/IMG/pdf/de_la_grammatologie.pdf (date of access: July 14, 2017).
15. Everett, C., Blasi, D. E. and Roberts, S. G. Climate, Vocal Folds, and Tonal Languages: Connecting The Physiological and Geographic Dots. *Anthropology*. [Online] URL: http://calebeverett.weebly.com/uploads/4/2/6/5/4265482/climate_and_tone_with_si.pdf (date of access: July 14, 2017).
16. Hendricks, M. Origins of Babble. *John Hopkins Magazine* – 1998. [Online] URL: <http://pages.jh.edu/jhumag/0298web/baby.html> (date of access: July 14, 2017).
17. Jun, S.-A. and Oh, M. Acquisition of Second Language Intonation. *INTERSPEECH – 2000*. [Online] URL: https://www.researchgate.net/publication/221492021_Acquisition_of_Second_Language_Intonation (date of access: July 14, 2017).
18. Kakoliris, G. Misreading Rousseau? Jacques Derrida's Deconstructive Reading of Rousseau's Essay of the Origin of Languages. *Philosophy Study*. Vol. 5. No. 10. October 2015. Pp. 499-512. [Online] URL: https://www.researchgate.net/profile/Gerasimos_Kakoliris/publication/298199486_Misreading_Rousseau_Jacques_Derrida's_Deconstructive_Reading_of_Rousseau's_Essay_on_the-Origin_of_Languages/links/56e6b12108aedb4cc8af7410.pdf (date of access: July 14, 2017).
19. Lewis, M. P., Simons, G. F. and Fenig, Ch. D. (eds.) *Ethnologue: Languages of the World*. Nineteenth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2016. [Online] URL: <http://www.ethnologue.com> (date of access: July 14, 2017).
20. Maddieson, I. Tone. In: Dryer, M.S. & Haspelmath, M. (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2013. [Online] URL: <http://wals.info/chapter/13> (date of access: July 14, 2017).
21. Moseley, C. *The UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger: Context and Process*. AVMG University of Cambridge, 2012. 24 p. [Online] URL: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/WOLP_OP_05_highres.pdf (date of access: July 14, 2017).
22. Rousseau, J.-J. Essay on the Origin of Languages, Or It Speaks of the Melody and the Musical Imitation. *Complete Collection of Works*. Genève, 1780-1788. T. VIII, Pp. 355-434. Version Beta 07.10.2012. [Online] URL: <http://www.rousseauonline.ch/Text/essai-sur-l-origine-des-langues.php> (date of access: July 14, 2017). (in French)
23. Schaefer, V. and Darcy, I. Linguistic Prominence of Pitch within the Native Language Determines Accuracy of Tone Processing. *Selected Proceedings of the 2012 Second Language Research Forum*, ed. Ryan T. Miller et al., 1-14. Somerville, MA:

Cascadilla Proceedings Project. [Online] URL: http://www.indiana.edu/~psyling/papers/Schaefer_Darcy_paper3081.pdf (date of access: July 14, 2017).

ОБ АВТОРЕ:

Гайдамачук Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры этики, эстетики и истории культуры, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»,

ул. Кирпичева, 2, г. Харьков, 61002, Украина,
haidamachuk@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Haidamachuk Olga Volodymyrivna, Senior Lecturer, Department of Ethics, Aesthetics and History of Culture, National Technical University “Kharkiv Polytechnic Institute”, 2 Kyrpycheva St., 61002, Kharkiv, Ukraine, *haidamachuk@gmail.com*

УДК 94(47).08

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-3-18-30

Пенской В. В.

«МЫ ОТСТАЛИ ОТ ПЕРЕДОВЫХ СТРАН НА 50-100 ЛЕТ. МЫ ДОЛЖНЫ ПРОБЕЖАТЬ ЭТО РАССТОЯНИЕ В ДЕСЯТЬ ЛЕТ. ЛИБО МЫ ЭТО СДЕЛАЕМ, ЛИБО НАС СОМНУТ...»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой историческое размышление, в котором Октябрьская революция 1917 г. в России рассматривается через призму концепции Э. Тоффлера о смене «волн» в развитии человеческой цивилизации. Автор исходит из того, что в середине XIX в. Российская империя оказалась перед необходимостью сменить аграрный в своей основе технологический уклад «первой волны» на индустриальный уклад «второй волны». Однако последние императоры династии Романовых не сумели решить эту задачу, несмотря на то, что необходимость серьезных реформ была хорошо осознана на русском политическом Олимпе. Об этом свидетельствуют приводимые автором статьи выдержки из докладов и меморандумов, которые ложились на стол последнему русскому императору Николаю II. Автор выдвигает тезис, согласно которому эту историческую задачу трансформации в конечном итоге решила малочисленная партия большевиков, которая, в отличие от предшественников, не побоялась взять на себя ответственность за крутые и решительные, сопряженные с немалыми жертвами, перемены.

Ключевые слова: Российская империя; Октябрьская революция; модернизация.

V. V. Penskoj

"WE ARE FIFTY OR A HUNDRED YEARS BEHIND THE ADVANCED COUNTRIES. WE MUST MAKE GOOD THIS DISTANCE IN TEN YEARS. EITHER WE DO IT, OR THEY WILL CRUSH US..."

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. This article is a historical essay in which the October Revolution of 1917 in Russia is viewed through the prism of the concept of A. Toffler about changing "waves" in the development of human civilization. The author believes that in the mid-nineteenth century, the Russian Empire faced the need to replace the agrarian in its basis technological structure of the "first wave" by the technological structure of the "second wave". However, the last emperors of the Romanov dynasty emperors failed to solve this problem, despite the fact that the need for major reforms was well understood in the Russian political Olympus. This is evidenced by the excerpts from the reports and memorandums quoted by the author, which were laid on the table to the last Russian Emperor Nicholas II. The author puts forward the thesis according to which this historical transformation problem was eventually decided by a small Bolshevik party, which, unlike its predecessors, was not afraid to take responsibility for the steep and decisive changes, that were accompanied by considerable sacrifices.

Key words: the Russian Empire; the October Revolution; modernization.

Мы не случайно вынесли эти слова в заголовки нашего исторического эссе, посвященного столетию Великого Октября (без всякого преувеличения великого, ибо по своему значению и воздействию на последующее развитие человечества революционные события в России 1917 г. имеют не много аналогов в мировой истории). Сегодня к этим словам Сталина, равно как и к его фразе из той же речи, произнесенной на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в феврале 1931 г. (той самой, в которой генеральный секретарь заявил: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. <...> История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. <...> Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно»), принято относиться снисходительно, если не полупрезрительно – что там мог сказать такого важного недоучившийся семинарист? При этом те, кто презрительно отмахиваются от этих слов будущего «вождя народов», забывают о том, что было сказано затем – а завершение фразы звучит более чем актуально в свете того, что «конец истории» так и не случился: «Закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб – значит ты не прав, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться» [7].

К этим словам Сталина можно относиться по-разному, но стоит обратить внимание на то, что генеральный секретарь ЦК ВКП (б) не первый, кто говорил об этом, и не первый, кто поставил задачу «догнать и перегнать» в кратчайшие сроки передовые страны Запада. У него были предшественники, изъяснявшиеся в том же ключе и предлагавшие схожие шаги, однако не преуспевшие на этом поприще. Но, прежде чем ответить на вопрос, кто же они, эти предшественники, немного философии истории.

В 1980 г. американский журналист, философ и культуролог Э. Тоффлер опубликовал нашумевшую книгу «Третья волна», в которой дал любопытную периодизацию развития человеческой цивилизации. В ее истории он выделил три «волны», три технологи-

ческих «уклада» – аграрный («первая волна»), «индустриальный» («вторая волна») и постиндустриальный («третья волна»). «Первая волна», зародившись в глубокой древности (по сути, она стала результатом пресловутой неолитической революции), более или менее благополучно докатилась до Нового времени, когда в ряде стран Запада (прежде всего в Англии) началась промышленная революция, породившая «вторую волну». Переход к индустриальному укладу и соответствующая перестройка политических, социальных, экономических и иных отношений обусловила переход к тем странам Запада, которые первыми преуспели на этом поприще, глобального политического лидерства, которое подкреплялось успешной военной, экономической и, что немаловажно, культурной экспансией. Те страны, которые не спешили с этой трансформацией, серьезно рисковали. Из субъектов мировой политики и экономики (складывающегося мирового рынка) они могли (и по большей части так и случилось) превратиться в объекты, за счет которых передовые государства, и тем паче великие державы, величие которых основывалось в первую очередь на их современной индустрии, решали бы свои проблемы.

Своего рода «осевым временем» для принятия решения о переходе ко «второй волне» стала середина XIX в. К этому времени Великобритания, первая вставшая на путь перемен, уже прошла большую часть трансформации в общество «второй волны», превратившись в «мастерскую мира», крупнейший финансовый центр и единственную на тот момент сверхдержаву, обладавшую колоссальным политическим весом и влиянием. За Британией подтягивалась Франция, стремившаяся не отстать от своего старого противника. Лондону и Парижу уже давно было тесно в Европе, и они давно встали на путь заморской экспансии, но с середины XIX в. их колониальная политика постепенно набирает новые обороты. Целый ряд государств, столкнувшись с англо-французским вызовом и убедившись в невозможности противостоять напору «заморских чертей», всерьез задумались о необходимости радикальной модернизации и вестернизации, которые неиз-

бежно должны были в случае успеха содействовать переходу с примитивного, архаичного технологического уклада «первой волны» на более современный и динамичный технологический уклад «второй волны».

Если вести дальше разговор о модернизации и переходе от «первой» ко «второй волне», то в этом плане весьма показателен пример двух азиатских государств, двух империй, Японии и Китая. К началу 40-х гг. XIX в. цинский Китай пока еще оставался крупнейшим государством мира с экономикой, которая в количественном исчислении также пока еще оставалась первой в мире. Однако политический вес и влияние Китая были ничтожны, и связано это было с тем, что цинская правящая верхушка, исходившая из принципа самодостаточности «Поднебесной», отнюдь не стремилась к серьезной внешней экспансии, предпочитая ей режим самоизоляции. «Опиумные» войны и последовавшая за ней трагедия тайпинского движения, подавление которого стоило Китаю десятки миллионов жизней и колоссальных разрушений, наглядно показали всю ущербность и опасность дальнейшего продолжения прежней политики «окукливания», а вместе с тем и те преимущества, которые дает обладание новейшими западными технологиями – в первую очередь промышленными и военными. С 60-х гг. XIX в. цинские власти приступили к модернизации армии и флота (в особенности последнего), причем эта модернизация сопровождалась и созданием соответствующей промышленной инфраструктуры и кадров. Однако особенности политического развития Китая в послесмутное время не позволили удержать набранные первоначально темпы. К примеру, если в 1886 г. внушительная демонстрация мощи северного, Бэйянского, флота вызвала серьезные опасения и в Петербурге, и в Токио, то не прошло и десяти лет, как Китай потерпел жестокое поражение в японо-китайской войне 1894-1895 гг. Эта неудача имела трагические для Китая последствия – страна надолго стала объектом манипуляций со стороны великих держав, и раздираемой внутренними и внешними проблемами «Поднебесной» стало, естественно, не до модернизации.

Для Японии толчком для начала модернизации стал приход «черных кораблей» commodора Перри, ну а после пресловутой «революции Мэйдзи» и войны Босин в 1867–1869 гг. модернизация пошла семимильными шагами. Война с Китаем в 1894-1895 гг. стала первым серьезным испытанием для обновленной Японии, а русско-японская война 1904-1905 гг. – ее заявкой на вхождение в клуб великих держав, окончательно удовлетворенной по итогам Вашингтонской конференции 1921 г. По существу, именно с этого времени можно говорить о том, что Япония практически завершила процесс перехода к индустриальному технологическому укладу (во всяком случае, именно он играл в экономике Японии ведущую, определяющую роль).

А что же Россия? Россия, как и Япония и Китай, в середине XIX в. также столкнулась с необходимостью приступить к модернизации – точнее, к новому ее витку, ибо первый ее этап был связан с деятельностью Петра I. Правда, предпринятая им европеизация носила, увы, наносной, поверхностный характер – внешне эффективная, но не эффективная, поскольку она не создала механизмы внутреннего обновления и перезапуска при необходимости нового витка модернизации, имевшая ограниченный во времени эффект. «Поднятая на дыбы» императором-преобразователем Россия представляла собой этакую Индию, управляемую Ост-Индской компанией – европеизированное меньшинство и соответствующий ему сектор экономики (промышленность и внешняя торговля), и архаичное большинство, сельская глубинка, живущая по старинке, с крайне отсталой, примитивной и малопродуктивной аграрной экономикой. И разрыв между двумя этими обществами и экономиками не только не уменьшался со временем, а только увеличивался. К началу XIX в. инерция толчка, приданного России петровскими преобразованиями, иссякла, и необходимость нового витка модернизации стала очевидной.

Нельзя сказать, что в правящей элите России наиболее дальновидные ее представители не осознавали этой проблемы; в их числе был, как это ни покажется парадоксальным, и сам император Николай I. Однако в

силу разных причин ускорить переход на новый путь не удалось – русское общество (во всяком случае, наиболее влиятельная в политическом и экономическом отношении его часть) не было готово к столь радикальным переменам, а фигуры, подобной Петру I, в николаевской России не нашлось. И когда в начале 50-х гг. XIX в. обострился пресловутый «восточный вопрос», России пришлось иметь дело с двумя державами, которые существенно продвинулись вперед по пути трансформации в страны «второй волны» – Британией и Францией. Неудачное завершение Крымской войны поставило правящую верхушку Российской империи перед необходимостью ускоренно перейти на новый технологический уклад с тем, чтобы остаться в числе великих держав и субъектов зарождавшейся *Weltpolitik*.

К сожалению, перезапуск модернизации не состоялся – преемник Николая I на российском престоле, император Александр II, оказался еще менее достоин роли великого реформатора, нежели его отец (который, кстати, подготовил все необходимые условия для «великих реформ»), и уж тем более Петр Великий. Безусловно, реформы, осуществленные в 60-х – начале 70-х гг. XIX в., по праву могут считаться «великими», однако, будучи компромиссными, половинчатыми и недостаточно последовательными, они не смогли придать необходимое ускорение политическому и, что самое главное, социально-экономическому развитию России. Более того, допущенные властью просчеты только усугубили разрыв между Россией и ведущими державами. Четверть века были потрачены если не впустую, то, во всяком случае, недостаточно эффективно, переход от одного технологического уклада к другому, более передовому и прогрессивному, не состоялся и фактически был отложен. Ситуация же в мире стремительно продолжала меняться – к странам, вставшим на путь перехода ко «второй волне», присоединились САСШ, где после победы Севера над Югом были сняты последние препоны на пути безудержного развития капитализма, и новообразованная Германская империя (сполна воспользовавшаяся результатами победы над Францией в фран-

ко-прусской войне 1870-1871 гг.), и даже Италия, которая наконец-то обрела единство и сделал заявку на вхождение в круг если не великих, то, во всяком случае, влиятельных держав.

При анализе событий 80-х – начала 90-х гг. XIX в. складывается впечатление, что в Петербурге в начале 80-х гг. наконец-то осознали, чем чревато дальнейшее промедление с модернизацией и всерьез занялись вопросами экономического развития. Здесь самое время вспомнить фразу, которую написал тогда русский философ Н. Я. Данилевский. «Невежественный, чисто земледельческий Рим, вступив в борьбу с торговым, промышленным и несравненно его просвещеннейшим Карфагеном, – отмечал он, – мог, с единственной помощью патриотизма и преданности общему благу, с самого начала победоносно сразиться с ним даже на море, составлявшем до того времени совершенно чуждый Риму элемент...» [3, с. 441]. Однако с тех времен, продолжал Данилевский, условия ведения войны радикально переменились, и «уже в начале XVII века и даже ранее *никакая преданность отечеству, никакой патриотизм не могли уже заменить собой тех технических усовершенствований, которые сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации и т.д. настоящие науки* (курсив мой. – В. П.), и притом весьма сложные» [3, с. 441]. Следовательно, завершал свою мысль философ, «потребности государственной обороны, сделавшись столь сложными, по необходимости требовали для своей успешности особого класса людей, всецело преданных военным целям; содержание же этого многочисленного класса требовало стольких издержек, что, без усиленного развития промышленности, у государства не хватило бы средств для его содержания» [3, с. 441]. Примерно о том же говорил тогда же и немодный ныне классик: «Ничто так не зависит от экономических условий, – писал Ф. Энгельс, – как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не “свободное творчество ума” гениальных полководцев действо-

вало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам...» [9, с. 171].

Вряд ли, конечно, император Александр III читал эти слова, однако, обладая, по словам близко его знавшего С.Ю. Витте, «громадным, выдающимся умом сердца», умом, «присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка» [2, с. 265], он дал свободу рук министрам финансов Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградскому и С.Ю. Витте. Их деятельность (особенно последнего) способствовала финансовой стабилизации Российской империи и интенсификации роста русской экономики, в особенности промышленности и инфраструктуры. За десять лет с 1891 по 1900 гг., как отмечали отечественные историки А. П. Корелин и С. А. Степанов, промышленное производство в России удвоилось, а доля страны в мировом промышленном производстве поднялась на треть – с 4 % в 1870 г. до 6 % спустя 30 лет [см. 5, с. 57-58]. Наметились подвижки в социальной сфере, рос удельный вес городского населения, и даже в культурной области можно вести речь о начале своего рода если не революции, то перелома – тот же Витте весьма ретиво занялся подготовкой кадров для растущей русской промышленности и транспорта, всемерно содействуя открытию всё новых и новых высших и средних специальных политехнических учреждений.

Как же получилось так, что как будто динамично развивавшаяся в конце XIX в. и безусловно входившая в число великих держав Российская империя спустя три десятка лет оказалась в ситуации, когда нужен был срочный рыбок? Почему тенденции, заложенные при императоре Александре II и в начале царствования его сына, не получили развития? Почему она не сумела выстоять в гонимой Первой мировой войны? Ведь не секрет, что сегодня общественному мнению усилен-

но навязывается точка зрения, согласно которой старая царская Россия накануне войны была динамичным, успешно развивавшимся государством, и естественный ход событий лет этак через двадцать чуть ли не сделал бы ее гегемоном как минимум в Евразии, если бы не известные события 1917 г. При этом сторонники и апологеты «серебряного века» в русской истории делают упор на небывалые показатели экономического роста (в особенности в промышленной сфере), на устойчивость русской валюты, на растущую внешнюю торговлю и прочие символы успеха. С этим трудно поспорить – действительно, как показано выше, успехи были налицо, равно как и положительная динамика. Но вся эта благостная картина была лишь одной стороной медали, а была и другая ее сторона.

Чтобы понять причины провала, стоит обратиться к всеподданнейшему докладу министра финансов Российской империи С.Ю. Витте, который был представлен императору Николаю II в феврале 1900 г. Царский сановник, человек сведущий и знающий предмет, подытоживая результаты экономического развития империи в предыдущие годы, отмечал в своем докладе, что «по быстроте и силе этого (промышленного – В. П.) роста Россия стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств, и не подлежит сомнению, что страна, которая оказалась в состоянии в два десятилетия более чем утроить свою горную и фабрично-заводскую промышленность, таит в себе богатый запас внутренних сил для дальнейшего развития...» [1, с. 131-132].

Но, указав на успехи, министр финансов с тревогой отмечал тот факт, что все эти успехи, по его мнению, покоились на весьма шатком основании. «Несмотря на происшедший быстрый рост фабрично-заводского дела за последние десятилетия, благосостояние населения продолжает зиждиться преимущественно на земледельческом промысле» [1, с. 132], указывал он, а «большинство населения находит заработок преимущественно в земледельческих работах, ограниченных по климатическим условиям сравнительно коротким периодом, вследствие чего народный труд не получает полного исполь-

зования» [1, с. 132–133]. И когда «горные и фабричные продукты предлагаются на рынке в ограниченном количестве, цены на них поэтому стоят относительно высокие, вследствие чего и потребление их, поневоле, ограниченное», а «внешняя торговля питается, главным образом, продажей за границу сырых произведений, не представляющей больших выгод вообще, и, главное, всецело подверженной стихийным влияниям изменчивых метеорологических условий» [1, с. 133], то при таких обстоятельствах «благосостояние населения не может быть ни высоким, ни устойчивым» [1, с. 133]. Потому-то, считал Витте, сохранение такого положения несло в перспективе серьезные угрозы, ибо «при сложившемся ныне строе политических и экономических международных отношений земледельческая страна, не имеющая своей собственной промышленности, достаточно развитой, чтобы удовлетворять главным потребностям населения продуктами отечественного труда, не может почитать свою мощь непоколебимой; без своей собственной промышленности она не может достигнуть настоящей экономической независимости, а опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные народы оказываются в силе проявлять в полной мере и свое политическое могущество» [1, с. 133]. Примером тому могут служить, с одной стороны Великобритания, Германия и Соединенные Штаты, которые, как указывал министр финансов, «прежде чем стать влиятельными державами в международной политике, напряженными усилиями и всесторонней системой мероприятий насаждали и развивали у себя промышленность» [1, с. 133]. Напротив, их антиподами могли считаться Китай (напомним, что еще вначале 80-х гг. XIX в., немногим менее 20 лет до того, как был подготовлен этот доклад, в Петербурге всерьез опасались вставшего на путь модернизации цинского Китая – В. П.), Индия, Турция, Персия, Южная Америка, которые «в такой же мере политически немощны, в какой экономически зависимы от иностранной промышленности» [1, с. 133].

Свои рассуждения Витте подытоживал следующим образом. «В настоящее время по-

литическое могущество великих государств, призванных выполнять исторические задачи, создается столько же духовными силами народа, сколько и его экономическим строем, и даже боевая готовность страны определяется не одним уровнем ее военной организации, но и степенью развития ее промышленности» [1, с. 133]. Аграрный по преимуществу характер русской экономики не может считаться удовлетворительным и соответствующим статусу Российской империи как великой державы, полагал Витте: «Россия с ее огромным разноплеменным населением, с ее сложными историческими задачами в международной политике, с ее разнообразными внутренними интересами, может быть, более, чем какое-либо другое государство, нуждается в том, чтобы национальное политическое и культурное здание имело под собой надлежащую экономическую почву, чтобы империя вашего величества была великой не только политической и земледельческой, но и промышленной державой» [1, с. 133]. И самое важное, самое главное, что следовало из этих тезисов – «было бы роковой исторической ошибкой предполагать, что с удовлетворением этой народной потребности в создании широкой и разнообразной промышленности можно медлить. *Международное соперничество не ждет* (курсив мой. – В.П.) ...» [1, с. 133].

Какие выводы были сделаны из этого доклада? Судя по тому, что написал спустя 14 лет в своем меморандуме, адресованном Николаю II, бывший министр внутренних дел при Витте П.Н. Дурново – никаких. Обратимся к этому примечательному документу (примечательному настолько, что есть мнение относительно его апокрифичности) и приведем несколько цитат, относящихся к нашей проблеме.

В своем меморандуме П.Н. Дурново указывал на «недостаточность наших военных запасов, что, конечно, не может быть поставлено в вину военному ведомству, так как намеченные заготовительные планы далеко еще не выполнены полностью из-за малой производительности наших заводов» [4, с. 188], причем эта «недостаточность огневых запасов имеет тем большее значение,

что, при зачаточном состоянии нашей промышленности, мы во время войны не будем иметь возможности домашними средствами восполнить выяснившиеся недохваты» [4, с. 188], тогда как «с закрытием для нас как Балтийского, так и Черного морей, – ввоз недостающих нам предметов обороны из-за границы окажется невозможным» [4, с. 189]. Кроме того, Дурново отмечал, что «неблагоприятным для нашей обороны обстоятельством является вообще чрезмерная ее зависимость от иностранной промышленности, что, в связи с отмеченным уже прекращением сколько-нибудь удобных заграничных сообщений, создаст ряд трудноодолимых затруднений» [4, с. 189]. Не было для него секретом и неудовлетворительное состояние русских железных дорог, поскольку они «обладают подвижным составом, быть может, достаточным для нормального движения, но не соответствующим тем колоссальным требованиям, которые будут предъявлены к нам в случае европейской войны» [4, с. 189]. И самый главный вывод – «в предстоящей войне будут бороться наиболее культурные, технически развитые нации. Всякая война неизменно сопровождалась доселе новым словом в области военной техники, а техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений» [4, с. 189].

И еще одна чрезвычайно любопытная мысль Дурново, касающаяся перспектив послевоенного устройства мира и места в нем России. Он указывал, что «последствием этой войны окажется такое экономическое положение, перед которым гнет германского капитала покажется легким» [4, с. 194], поскольку «не подлежит сомнению, что война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России» [4, с. 194]. И если прежде экономический рост России основывался на активном привлечении иностранных инвестиций, то сейчас «придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром» [4, с. 194]. Закончится это плохо для России в любом случае. «Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и,

без сомнения, – писал Дурново, – отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства» [4, с. 194]; но и победа не сулила ничего хорошего, так как «вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки» [4, с. 194], ибо «продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы (забегая вперед, отметим, что именно в таком положении оказалась Франция после победы над Германией – *В.П.*)...» [4, с. 194–195]. «То небольшое, – продолжал сановник, – что, может быть, удастся с нее урвать, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи» [4, с. 195], тогда как «военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь, после крушения германского могущества, мы уже более не будем им нужны» [4, с. 195]. Более того, предостерегал императора от опрометчивых решений Дурново, возросшая вследствие победы политическая наша мощь побудит их (союзников – *В.П.*) ослабить нас хотя бы экономически» [4, с. 195]. Как результат, предсказывал министр, «неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом» [4, с. 195].

И снова голос Кассандры не был услышан. Прошло чуть больше полутора лет, и в октябре 1916 г., в самый разгар Первой мировой войны, последней войны царской России, начальник Главного артиллерийского управления генерал А.А. Маниковский, талантливый организатор и администратор, направил военному министру генералу Д.С. Шуваеву записку, в которой обосновал необходимость срочного принятия масштабной программы строительства новых заводов.

Этот доклад представляет особый интерес, с одной стороны, в сравнении с основными тезисами доклада Витте, а с другой стороны – как яркий образец технократического, лишённого каких-либо сантиментов и

иллюзий, подхода к анализу текущей ситуации и условий, в которых предстояло действовать послевоенной России (неважно, будь она монархической, демократической или какой иной – при условии, конечно, что она сохранит себя как субъект мировой политики, *Weltpolitik*).

О чем же писал начальник ГАУ военному министру? Свой доклад он начал с констатации печального факта – «Настоящая война застала Россию неподготовленной во многих отношениях, но ни в одном эта неподготовленность не имела столь роковых последствий, как по части артиллерийского снабжения армии» [6]. Понятно, продолжал далее Маниковский, что эта неподготовленность была связана с неверной оценкой масштабов грядущей войны, сделанной на основе изучения опыта русско-японской войны, размах которой оказался существенно меньшим (хотя она столь же существенно превосходила все прежние войны, которые довелось прежде вести Российской империи), чем боевые действия уже на первом этапе Первой мировой войны. И тот факт, что союзники России оказались в столь же сложном положении, было малым утешением, тем более, что они сориентировались раньше, чем в Петрограде, и приняли соответствующие меры с соответствующими последствиями также раньше. И именно последствия беспокоили Маниковского в первую очередь, ибо, писал он, «цель настоящего доклада – указать лишь на последствия, происшедшие от неудовлетворительности этих заданий [«стратегических заданий по части боевого снабжения армии» – Маниковский], чтобы на основании этого горького опыта попытаться найти правильный путь не только для отдаленного будущего, но и для ближайшего настоящего» [6].

Когда неожиданно выяснилось, что расход технических средств ведения войны превысил все мыслимые и немыслимые расчеты, а своя слабая (по характеристике Маниковского) промышленность оказалась неспособна удовлетворить запросы фронта (ее мобилизация продвигалась с трудом и большим запозданием), «поневоле пришлось прибегнуть к самой крайней мере – к заказам за границей, главным образом в Америке и у

наших союзников Англии и Франции» [6]. Как результат – на промышленников Антанты и САСШ пролился буквально золотой дождь русских военных заказов, что обусловило и соответствующий итог – русскими деньгами была оплачена «генеральная мобилизация американской промышленности» [6] и «в меньшей степени, но всё же довольно значительной, мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии» [6]. «В итоге, мы сознательно помогли и этим странам в столь трудном деле, – снова констатировал печальный факт начальник ГАУ, – как развитие военной промышленности» [6].

Как отмечал дальше Маниковский, учтя печальные уроки мобилизации русской промышленности в первые годы мировой войны, необходимо предпринять меры, чтобы подобное не повторилось впредь. «Ныне перед нами встает иная задача, – писал он, – важности необыкновенной: хоть теперь стать на правильный путь, т. е. во что бы то ни стало избавиться по части боевого снабжения от иноземной зависимости и добиться того, чтобы наша армия всё необходимое для себя получала бы у себя дома, внутри России (здесь и далее курсив Маниковского – В.П.) ...» [6].

Следующий тезис Маниковского заслуживает особого внимания. Он отмечает, что «при колоссальных, неисчерпаемых естественных богатствах России в этом нет ничего неосуществимого, и добиться этого можно и должно» [6], поскольку «совершенно неизвестно, когда кончится война и как сложатся обстоятельства не только после нее, но и в недалеком будущем, в отношении возможности беспрепятственного получения из-за границы предметов боевого снабжения... Без полной самостоятельности в этом отношении трудно остаться Великой Державой, несмотря ни на какие условия территории и внутренних богатств страны» [6]. Ну а раз так, необходимо уже сейчас озаботиться, невзирая ни на какие расходы и сложности, выполнением программы развития промышленности. И доводы, которые приводит начальник ГАУ в пользу этого предложения, более чем заслуживают внимания.

Отставим в сторону нужды текущего момента – и без того очевидно, что на войне не бывает много пушек и снарядов. Но дальше Маниковский совершенно справедливо замечает, что рассчитывать на продолжение поставок заказанного вооружения после войны было бы глупо, ибо «совершенно неизвестно, какова будет политическая конъюнктура по окончании войны, т. е. во время выработки условий мирного договора и в следующий затем период» [6]. «В конечном результате, каждый будет предоставлен своим собственным силам, и горе тому, у кого к этому времени не будут подготовлены свои средства» [6].

Не менее важным генералу представлялся и финансовый аспект вопроса. «Теперь, во время войны, – указывал он, – наши союзники дают нам и деньги (займы), и принимают наши заказы, благодаря финансовому соглашению, *по паритету*. Это им приходится делать, так как иначе мы воевать не можем» [6]. Но сохранится ли такое положение и после войны, задается вопросом Маниковский, и сам отвечает на него: «По отношению к будущему нельзя предаваться опасным иллюзиям и считать, что всё так сохранится и после войны. Напротив, более чем вероятно, что тогда заграничные займы для нас будут если не невозможны, то крайне обременительны, и уж наверное за заграничные заказы нам придется тогда платить не по паритету, а в валюте» [6].

Продвигая свою программу, начальник ГАУ принимал в расчет и другое важное соображение. «Почти всё наше боевое вооружение, находящееся ныне на фронтах, к концу войны придет в такое состояние, что потребуется или полная его замена, – писал он Шуваеву, – или столь капитальный ремонт, который возможен только на заводах с солидным специальным оборудованием» [6]. И это еще не всё, поскольку очевидной была и необходимость перевооружения армии в кратчайшие сроки более современным и совершенным оружием, которое, вне всякого сомнения, появится и будет опробовано в последний период войны, не говоря еще о создании новых мобилизационных запасов вза-

мен растраченных и исчерпанных в ходе боевых действий!

Для Маниковского как технократа и генерала было очевидным также и еще одно обстоятельство. «По окончании войны государственному казначейству предстоят колоссальные ассигнования на культурные потребности государства, – вполне обоснованно отмечал он, – *столь жестоко урезаемые в настоящее время*, и что более чем вероятно значительные сокращения во имя государственной экономии по сметам и военного ведомства, в частности, и по программе Главного артиллерийского управления. Тогда денег для новых заводов уже не дадут» [6]. В итоге, подводил черту генерал, «к новой войне Россия окажется отставшей от своих будущих противников еще в большей степени, чем теперь, так как эти противники уже успели так развить свою промышленность, что от них не потребуются впредь ни особых усилий, ни особых жертв» [6].

Анализируя доводы начальника ГАУ, мы бы поставили на первое место вот этот его тезис. «Надо ясно представить себе, – излагал свою мысль военному министру Маниковский, – что если не заложить прочного основания нашего военно-заводского строительства *теперь же*, то это, может, не удастся сделать и совсем, так как по окончании войны у нас явятся опаснейшие конкуренты за границу, успевшие уже за войну развить у себя до крайности военную промышленность. Не подлежит никакому сомнению, что *тотчас же по окончании войны начнется общая экономическая борьба, и эта борьба будет беспощадна* (курсив мой – В. П.)» [6]. Забегая вперед, отметим, что начальник ГАУ совершенно точно предугадал дальнейшее послевоенное развитие событий. Если Россия будет не готова к такому повороту событий, то «могучая техника и наших друзей, и наших врагов раздавит нашу всё еще слабую технику» [6] со всеми вытекающим отсюда печальными последствиями.

Насколько созвучны эти выводы Маниковского тезисам Витте и идеям доклада Дурново – можете судить сами. А ведь написаны они были спустя полтора десятилетия после того, как был составлен тревожный до-

клад Витте Николаю II. Выходит, что несмотря на то, что необходимость перехода русской экономики на новый технологический уклад была четко и недвусмысленно артикулирована еще в 1900 г., воз оставался фактически на том же месте. Драгоценное время было растрчено впустую, и Россия вступила в Первую мировую войну, не имея под ногами прочного экономического фундамента. Российская империя в начале XX вв. действительно являлась тем самым колоссом на глиняных ногах, внешне могучим, а на самом деле весьма уязвимым и неустойчивым. «Стена, да гнилая, ткни, и развалится!», – так, согласно легенде, отвечивал молодой студент Владимир Ульянов полицейскому чиновнику на вопрос, зачем он, столь многообещающий юноша, решил биться о стену самодержавия. В нашем случае неважно, говорил ли такие слова будущий «вождь мирового пролетариата» или же это типичный исторический анекдот. Важно другое – несмотря на четкое осознание необходимости серьезных перемен, они так и не произошли. Конечно, Первая русская революция (которая стала следствием промедления с реформами, которые чем больше откладывались, тем более радикальный характер принимали бы) вынудила Николая II предпринять определенные реформы, но, как и многое, что делалось на закате империи Романовых, их оказалось недостаточно и сделаны они были несвоевременно.

Как итог, накануне Первой мировой войны Российская империя по-прежнему представляла собой во многом наспех сшитое «лоскутное» государство, состоящее из территорий с разным уровнем политического, социального и культурного развития, с многоукладной экономикой и, подчеркнем еще раз, с колоссальным разрывом между тем «сектором» общества и государства, что был связан с индустриальным, «модерным» укладом, и основной массой населения, по-прежнему всецело принадлежавшего миру «первой волны». Конечно, если бы у России были пресловутые 20 лет мирного развития, о которых мечтал П.А. Столыпин, может быть, ей и удалось бы завершить переход к новому укладу. Но, говоря словами Витте, междуна-

родное соперничество, конкуренция и борьба великих держав не ждали. Время, которое История дала Романовым на завершение Модернизации и превращение России в современное, динамичное государство, истекло летом 1914 г.

Одним словом, наиболее трезвомыслящие администраторы «старого режима» прекрасно понимали, что какой бы великой ни была держава в прошлом или даже настоящим, если она продолжала придерживаться устаревшего технологического уклада (в нашем случае – «первой волны»), в грядущем столкновении с более передовыми государствами волны индустриальной она была обречена на поражение. И чтобы сохранить себя в качестве не объекта *Weltpolitik*, но субъекта, заставить других «партнеров» считаться с собой и со своими интересами, переход на новый технологический уровень становился настоятельной необходимостью. Витте и Дурново не смогли убедиться в точности своих прогнозов, а вот у Маниковского такая возможность была. То, о чем предупреждал начальник ГАУ осенью 1916 г., сбылось весной 1918 г., когда новая власть, взявшая на себя ответственность за происходящее на просторах рухнувшей в феврале 1917 г. империи, была вынуждена заключить с торжествующей Германией Брестский мир, заключенный на старом «добром» принципе *Vae victis*. Вот уж действительно – «слабых бьют». Оружие выпало из рук России, и Германия навязала побежденным действительно «похабный» во всех отношениях мир. При этом характерно, что сама по себе идея такого мира витала в германских правительственных и околоправительственных кругах с самого начала войны. Уже к осени 1914 г. там окончательно сформировалась идея «Срединной Европы». Как полагал один из ее «архитекторов», В. Ратенау, «только усиленная “Срединной Европой” Германия была бы в состоянии сохраниться как равноправная мировая держава между западными державами – Великобританией и США – и Россией» [8, с. 116].

Идея «Срединной Европы», которая, по существу, выступала бы в будущем своего рода европейской колониальной периферией

германской метрополии, в последующие годы шлифовалась и оттачивалась, и России в ней отводилась, скажем прямо, весьма незавидная роль. Предполагалось, что от России будут отторгнуты с образованием марионеточных «бантустанов» Украина, Прибалтика и Финляндия (а еще лучше, если бы и сама Великороссия оказалась в политическом плане раздробленной), не говоря уже о наложении на побежденных репараций и контрибуций в таком размере, чтобы обескровленная Россия долго не смогла бы помышлять о каком-либо реванше. И это было только начало, а дальше планы германского политического руководства и финансово-промышленной верхушки предполагали фактическое превращение России если не в колонию, то, во всяком случае, полуколониию. Пожалуй, наиболее конкретно цели Германии обозначил унтер-статс-секретарь германского внешнеполитического ведомства Х. Бусше-Хадденхаузен в мае 1918 г. – «русский транспорт, индустрия и всё народное хозяйство должны попасть под наш контроль. Надо обеспечить использование нами всего Востока (имелись в виду не только собственно Великороссия, но и Сибирь, и Центральная Азия – В. П.). Там следует искать выплаты по нашим военным займам...» [8, с. 567]. Установление экономического протектората над Великороссией и превращение ее в зону исключительного немецкого экономического и финансового влияния (а, следовательно, и протектората политического) должно было компенсировать германскому капиталу экономические и финансовые потери, которые были неизбежны при заключении мира с Антантой.

Не были безгрешны и союзники России. Согласно бумагам эмиссара американского президента В. Вильсона «полковника» Э. Хауза, обсуждая с ним в начале 1916 г. (sic! как раз вскоре после того, как русская армия закончила свое «великое отступление», и линия фронта на Востоке стабилизировалась – В. П.) условия возможного замирения в Европе, британский министр вооружений (и будущий премьер-министр) Д. Ллойд-Джордж среди прочих предварительных условий, на основании которых можно было

бы начать переговоры о мире с Германией, назвал и *предоставление Берлину свободы рук по отношению к России*. Не менее показательным выглядит и другой факт – в сентябре 1917 г. П. Пенлеве, только что ставший французским премьер-министром, изъявил желание встретиться в Швейцарии с австро-венгерским министром иностранных дел графом О. Черниным, предложив тому среди прочих условий для обсуждения будущего мира восстановление Польши в границах 1772 г. (sic!) [См. 8, с. 292, 419].

Это отношение союзников к России и ее интересам более чем примечательно и позволяет предположить, какая судьба ожидала представителей что царской, что демократической республиканской России на Версальской мирной конференции, тем более, что даже оказавшись в стане победителей, Россия, отягощенная долгами и серьезнейшими внутренними проблемами, явно находилась бы не в той весовой категории, как, к примеру, САСШ, Великобритания и Франция. Одним словом, предполагать, что чрезвычайно ослабленная в результате войны Россия могла бы рассчитывать на удовлетворение своих требований и выполнение заключенных в ходе войны договоров с британцами и французами, не стоило бы. А вот ожидать того, что за ее счет страны «большой тройки» попытались бы решить свои проблемы – как раз наоборот (и как тут не вспомнить прогноз Дурново). И, что самое печальное, сил для того, чтобы противостоять таким попыткам, у России в 1919 г. не было – программа Маниковского в силу событий, разыгравшихся в 1917 г. (не без участия, кстати говоря, союзников – роль британской дипломатии в подготовке февральского переворота хорошо известна), так и не была ни рассмотрена, ни тем более введена в действие.

Итак, «старый режим» в объявленном «тендере» на модернизацию и на переход от «первой волны» ко «второй», от аграрного технологического уклада к индустриальному проиграл. Еще менее способными выиграть этот конкурс оказались «февралисты», которые сумели менее чем за полгода довести страну до глубочайшего политического и социально-экономического кризиса, когда

власть в буквальном смысле валялась на мостовой. И даже если предположить, что они сумели бы удержать власть, то при тех условиях послевоенного мира, о которых писали Дурново и Маниковский – разве смогли бы князь Львов, Гучков, Миллюков, Керенский или кто-либо из генералов или адмиралов, претендовавшие на роль диктатора всея Руси, въехавшего на белом коне в Кремль и установившего новый старый порядок, решить поставленную еще в середине XIX в. задачу? Скорее ослабевшая, расчлененная Россия, изнемогающая под тяжестью внешних долгов и потрясаемая внутренними конфликтами, повторила бы судьбу Китая после Синьхайской революции или Турции, скатившись в длинный перечень третьестепенных государств. При этом совсем не очевидно, что все эти поствоенные и постреволюционные события обошлись бы малой кровью, в особенности если принять во внимание тот социальный конфликт, который разгорался в русской деревне летом-осенью 1917 г. И как бы не было грустно поклонникам «России которую мы потеряли», но «тендер» на модернизацию и на переход от «первой» ко «второй волне» выиграли большевики – малоизвестная и находившаяся еще в начале 1917 г. на обочине российской политической жизни партия.

Не будет большим преувеличением сказать, что и первая пятилетка, и последовавшие за ней вторая и незаконченная третья, и коллективизация, и пресловутая «культурная революция» (которая некоторыми историками, не говоря уже о всякого рода публицистах, журналистах и писателях, оценивается более чем критически) – все эти колоссальные по своим последствиям (и, увы, жертвам) события, по большому счету, были развернутым, расширенным, комплексным, если хотите, ответом большевиков на вызов времени, который был осознан старой властью, но на который она так и не смогла дать адекватный ответ. И Вторая мировая война, в которую теперь уже СССР вступил в 1941 г., ровно через десять лет, о которых говорил Сталин, показала, что новая власть выучила уроки, преподанные Историей, и сдала суровый, если не сказать жестокий, экзамен. СССР не только вернулся в число великих держав, но,

в отличие от той же Великобритании или Франции, стал второй наравне с США, сверхдержавой и удерживал этот статус более 40 лет.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Витте, С. Ю. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2-3. С. 131-139.
2. Витте, С. Ю. Избранные воспоминания. М.: Мысль, 1991. 718 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа // Классика геополитики. XIX век. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 275-680.
4. Дурново, П. Н. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 178-199.
5. Корелин, А. П., Степанов, С. А. С. Ю. Витте. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. 464 с.
6. Маниковский, А. А. Из доклада начальника ГАУ А. А. Маниковского военному министру с программой заводского строительства // Военная промышленность России в начале XX века 1900-1917. Сборник документов. М. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/26355> (дата обращения 08.08.2017)
7. Сталин, И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/t13_06.htm (дата обращения 08.08.2017)
8. Фишер, Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. М.: РОССПЭН, 2017. 677 с.
9. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Изд-во политической литературы, 1961. С. 5-338.

References

1. Witte, S. Yu. Memorandum from Witte to Nicholas II. (in Russ.) *Istoriik-marksist*. № 2-3. 1935. Pp. 131-139.
2. Witte, S. Yu. *Selected Memories*. Moscow: Mysl', 1991. 718 p. (in Russ.)

3. Danilevsky, N. Ya. Russia and Europe. (in Russ.) *Classics of Geopolitics. XIX Century*. Moscow: OOO «Izd-vo AST», 2003. Pp. 275-680.
4. Durnovo, P. N. A Note by Durnovo. (in Russ.) *Krasnaya nov'*. № 6. 1922. Pp. 178-199.
5. Korelin, A. P., Stepanov, S. A. *S. Yu. Witte*. Moscow: TERRA-Knizhny klub, 1998. 464 p. (in Russ.)
6. Manikovsky, A. A. From the Report of the Head of the State Artillery Director A.A. Manikovsky to the Minister of War with the Program of Factory Construction. (in Russ.) *Military Industry of Russia in the Beginning of XX Century 1900-1917. Collection of Documents*. Moscow. 2004. [Online]. URL: <http://istmat.info/node/26355> (date of access: August 8, 2017).
7. Stalin, I. V. *On the Tasks of Business Executives: Speech at the First All-Union Conference of Workers of the Socialist Industry on February 4, 1931*. (in Russ.) [Online]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t13/t13_06.htm (date of access: August 8, 2017).
8. Fisher, F. *Breakthrough for World Domination. The Policy of Military Objectives of Kaiser Germany in 1914-1918*. Moscow: ROSSPEN, 2017. 677 p. (in Russ.)
9. Engels, F. Anti-Dühring (in Russ.). Marks, K., Engels, F. *Works*. Vol. 20. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1961. Pp. 5-338.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права юридического института; кафедра философии и теологии социально-теологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, penskoy@bsu.edu.ru

УДК 339.13:621. 398

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-3-31-41

Бурлакова Е. В.¹,
Качалова С. М.²

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРЕАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
В РЕКЛАМЕ КАК ЗАЛОГ ЕЕ УСПЕШНОСТИ**

- ¹) Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия, bev26223@mail.ru
²) Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия, smkachalova@mail.ru

Аннотация. В ходе проведенного исследования было проанализировано такое явление в современном производстве креативной рекламы, как смешение стратегий производства рекламы, позволяющее усилить эффективность воздействия рекламного сообщения на аудиторию. Была поставлена задача, определить место креативных стратегий среди прочих инструментов маркетинга, используемых для развития агентства «Бренд Медиа». В работе применялись типологический метод, метод практического анализа, анкетирование. Сделан вывод, что креативная стратегия является эффективным инструментом для достижения успеха рекламы, а ее использование приводит к формированию положительного имиджа и привлечению новых клиентов. Рекомендации, которые были предложены в результате изучения креативной деятельности рекламно-маркетингового агентства ООО «Бренд Медиа» – это развитие деятельности в области интернет-рекламы. Грамотное применение креативной стратегии позволяет создать рекламное сообщение, полностью соответствующее особенностям представителей целевой аудитории.

Ключевые слова: креативная реклама; креативные стратегии; бриф; слоган; логотип; манипуляция; целевая аудитория.

E. V. Burlakova¹,
S. M. Kachalova²

**THE USE OF CREATIVE STRATEGIES IN ADVERTISING
AS A KEY TO ITS SUCCESS**

- ¹) Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia, bev26223@mail.ru
²) Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia, smkachalova@mail.ru

Abstract. In the course of the study, there was analyzed such a phenomenon in the modern production of creative advertising, as a mixture of production strategies of advertising that enhance the effectiveness of the advertising impact on the audience. In the course of the work, the task was set to determine the place of creative strategies among other marketing tools for the development of the “Brand Media” Agency. In the study, we used the following methods: the typological method, the method of practical analysis, and questioning. During the work, it was concluded that the creative strategy is an effective tool for achieving the success of advertising, and it further leads to the formation of a positive image and attracts new customers. The recommendations that were proposed as a result of the analysis of the creative activities of the advertising and marketing OOO "Brand Media" Agency – is the development of activities in the field of Internet advertising.

Competent use of creative strategies allows creating an advertising message that fully meets the characteristics of the target audience.

Key words: creative advertising; creative strategy; brief slogan; logo; manipulation; target audience.

Реклама оказывает огромное влияние на внутренний мир индивида, его подсознание и мировоззрение. Кроме того, реклама – эффективный инструмент установления отношений между производителем и потребителем [см. 11, с. 12]. В настоящее время рынок товаров перенасыщен, многие из продвигаемых продуктов обладают одинаковыми качествами, свойствами, ценовой политикой. Поэтому для того, чтобы акцентировать внимание представителей целевой аудитории на продукции или услугах компании, прибегают к возможностям так называемых креативных стратегий [см. 20, с. 19].

Слово «креатив» возникло в английском языке, получив широкое распространение в 90-х годах XX века. В переводе с английского «create» – создание нового, оригинального. В буквальном смысле креатив – это творчество, творческий подход к чему-либо. Основными признаками креативности являются такие свойства, как: оригинальность, воображение, новаторство, формирование нового стиля, запоминаемость и влияние [10, с. 54]. Использование креатива в рекламе способствует решению задачи привлечения внимания к товару или услуге. Наличие в рекламе креативной идеи побуждает потребителя к действию. Среди профессионалов в сфере рекламы существует мнение, что если рекламный продукт не стимулирует повышение продаж, то его нельзя считать креативным.

По мнению многих исследователей, креатив – это одна из существенных составляющих рекламного производства. Творчество представляет собой процесс, осуществляемый с помощью воображения, а воображение зачастую важнее, чем знание [5, с. 17]. Креатив – это нестандартная, оригинальная идея, которая выделяет товар или услугу среди аналогичных. Это то, что привлекает представителей целевой аудитории, что интересно и оригинально. В креативном рекламном сообщении успеху

способствует момент неожиданности и нетривиальности. Таким образом, креатив – это не просто творчество, а целенаправленный процесс, ограниченный маркетинговыми задачами [13, с. 27].

В связи с этим следует считать креативность важной составляющей маркетингово-рекламной деятельности, без которой невозможно обойтись в сфере создания рекламы, поэтому исследование креативных рекламных стратегий является весьма актуальным. Благодаря креативной идее рекламное сообщение можно адаптировать и стилизовать под конкретную ситуацию и целевую аудиторию, временной отрезок или обстоятельства. Креативное рекламное обращение всегда оказывается инновационным, оригинальным. Следовательно, использование креативных стратегий – это залог успешности рекламы, они являются одной из главных составляющих рекламного обращения. В отсутствие применения креативных технологий реклама будет представлять собой простую подачу информации, которая не будет вызывать интереса у потребителей [см. 21, с. 112].

Нами были определены следующие задачи исследования:

во-первых, рассмотреть эффективные методы разработки креативных стратегий на примере деятельности креативного отдела агентства «Бренд Медиа»;

и во-вторых, определить место и роль креативных стратегий среди прочих инструментов маркетинга для развития данного агентства.

Креативная стратегия – важнейшая составляющая производства рекламного процесса. На сегодняшний день наличие креативной стратегии помогает компании получать прибыль (благодаря слоганам, персонажам и образам, которые запоминаются своей необычностью и новизной) [см. 4, с. 68]. Стратегия, как правило, включает в себя следующие этапы:

позиционирование торговой марки рекламируемого товара, создание креативной идеи и воплощение (реализация) креативной идеи. «Стратегия бренда строится на основе “видения” с учетом бизнес-стратегии, основывается на истории и культуре компании, отражает глубинное понимание потребностей и восприятия клиентов. Стратегия бренда определяет позиционирование, дифференциацию, конкурентное преимущество и уникальное ценностное предложение компании» [17, с.23].

Креативная стратегия позволяет найти эффективный подход к представителям целевой аудитории, оказать на них влияние, укрепить имидж товара; объяснить выбор данного креативного подхода с точки зрения психологии; оценить возможность согласования имиджа товара и рекламной идеи; оценить потенциал креативной идеи, используя для этого различные медианосители [1, с. 232].

Креативная стратегия начинается с заполнения креативного брифа. Бриф – один из методов обеспечения эффективности рекламы, который представляет собой рекламное задание и требования к рекламному сообщению [см. 9, с. 49]. Одной из функций брифа является творческая – определение векторов разработки концепции образов рекламируемых товаров или услуг и установление семантических ограничений. При создании творческого продукта важно, чтобы бриф создавался не как инструкция, ограничивающая исполнителя узкими рамками предписаний, а как каркас для творчества. Нет необходимости в том, чтобы он описывал стереотипы восприятия бренда, продукта или услуги. В нем должен содержаться материал для стимулирования воображения, с тем чтобы креаторы получили возможность проработать то, что заказчики упускали из виду или посчитали само собой разумеющимся. Кроме того, необходимо учитывать, что рекламное сообщение всегда лишь посредник коммуникационной стратегии, входящей, в свой черед, в состав общей маркетинговой стратегии. Поэтому бриф следует составлять так, чтобы дать

возможность представителям рекламного агентства проверить свои идеи на возможность стратегической интеграции. Независимо от того, как выстроен бриф, он должен соответствовать следующим критериям:

1) давать возможность для открытого диалога. На этапе разработки брифа планирование стратегии заканчивается и начинается творческий процесс;

2) в брифе должен быть четко сформирован информационный посыл и указана целевая аудитория, которой этот посыл адресован;

3) в брифе содержатся цели и ожидаемые результаты рекламной кампании. Креаторы могут использовать бриф для доказательства того, что все придуманные ими идеи соответствуют заявленным положениям [см. 8, с. 34].

Креаторы зачастую испытывают сложности с генерацией идей. Для того чтобы стимулировать этот процесс, Джеймсоном Веббом Юнгом была предложена методика креативного поведения, включающая пять этапов: подготовительный, концентрации, инкубации идей, просветления, заключительного анализа и презентации проекта [см. 21, с. 11]. Совместно с руководством и специалистами креативного отдела рекламного агентства «Бренд Медиа» мы обсудили существующую методику и пришли к выводу, что при разработке творческих концепций эффективно будет опираться на знание этапов методики креативного поведения и применять их при создании рекламного продукта. При анализе творческой деятельности рекламно-маркетингового агентства ООО «Бренд Медиа» мы наблюдали все этапы применения этой методики при создании креативного продукта.

Основной задачей подготовительного этапа являлось определение целевой аудитории. Целевая аудитория – это группа людей, объединенная конкретными признаками и потребностями. Целевую аудиторию исследуют по следующим признакам: демографическому, территориальному, экономическому, по потребностям. После того как аудитория

выявлена, определяется максимально выгодное положение бренда, на которое в дальнейшей деятельности ставится акцент [10, с. 25]. Специалисты рекламного агентства «Бренд Медиа» провели анализ целевой аудитории и пришли к выводу, что основной акцент будет сделан на представителях среднего класса.

Главная задача этапа концентрации состоит в информировании всех участников процесса разработки рекламы об основных положениях креативной стратегии. Залогом успеха рекламы является создание уникальной концепции, в основе которой лежит внутреннее «я» представителей целевой аудитории. Основной целью этапа инкубации идей является определение ведущей темы креативной стратегии. На этом этапе важно обнаружить связи потенциальных потребителей с товаром, которые опираются на положительные ассоциации, возникающие при упоминании рекламируемого продукта. Потенциальный потребитель при восприятии рекламы должен осознать эмоциональные и рациональные выгоды, которые он может получить при приобретении рекламируемого товара или услуги.

В ходе работы по созданию креативной стратегии рекламного агентства «Бренд Медиа» применялись различные методы генерирования идей. Специалисты в сфере рекламы обычно формируют и используют в работе собственные способы генерации идей, вдохновения [см. 14]. Они ставят себя на место потребителя, медитируют, могут использовать методы ассоциаций, аналогий, задавания вопросов и ответов на них, мозговой штурм. Совместно со специалистами креативного отдела агентства мы определили, что будут использоваться методы ассоциаций, задавания вопросов и ответов на них, мозговой штурм. Ученые, изучающие процесс создания рекламной стратегии, сходятся во мнении, что в ходе обсуждения проблемы вопросы, кажущиеся, на первый взгляд, очевидными и простыми, задавать не только можно, но и нужно. Непосредственность таких вопросов может привести к простому решению, которое никому ранее не приходило в голову, в

силу своей очевидности [12, с. 35]. С помощью таких действий в подсознании создаются образы символической атрибутики рекламируемого продукта, которые впоследствии группируются и систематизируются.

На этапе просветления выявлялись эффективные темы креативной стратегии. Мы исходили в своей работе из того, что на пиках умственной активности индивида возникают новые идеи, на спадах – возвращение к предыдущим этапам [см. 16, с. 43]. Креативные идеи, соответствующие намеченным целям, послужили базой для последнего этапа в разработке креативных стратегий.

На этапе заключительного анализа и презентации проекта рассматривались результаты креативных идей с точки зрения логики, изучались аналогичные рекламные проекты. Специалисты оценивали видеоролики, фирменный стиль, макеты, анализировали, насколько предложенные идеи соответствуют выразительности, гибкости и адекватности.

В рекламной практике принято разделять рекламные стратегии на два типа [9, с. 28]. Первый тип, опирающийся на реальные утилитарные свойства товара, получил название *рациональной* рекламы. Второй тип называют *эмоциональной*, или проекционной рекламой. В его основе лежат психологически значимые свойства рекламируемого продукта. В первом типе доминирующей оказывается вербальная информация (рекламный текст), во втором преобладает невербальная информация (рекламные образы, музыка, общее стилевое решение). Важно отметить, что такое разделение условно, так как сильный эмоциональный эффект может создаваться и при помощи текста, а изображение может передавать предельно ясную информацию.

Проанализировав большое количество креативных идей, возникающих в процессе генерации творческого продукта представителями агентства «Бренд Медиа» в течение недели включенного наблюдения, мы пришли к выводу, что практически все они основаны на ярких и запоминающихся фразах. Наиболее явно это было продемонстрировано при разработке слоганов. Слоган – это понятие,

пришедшее к нам из английского языка, а происходит оно из древнего шотландского гэльского языка (sluagh-ghairm – «боевой клич») [см. 6, с. 41]. Слоганы – это яркие фразы, которые очень легко запомнить. Любой звучный слоган можно считать художественным произведением, может существовать как отдельное рекламное сообщение (изолированно и независимо). Он представляет собой короткое содержание рекламной идеи. Слоган – рекламный девиз, в сжатом виде передающий рекламное сообщение, часть долговременной коммуникационной платформы бренда. Он употребляется во всех видах рекламной коммуникации с целью привлечения внимания целевой аудитории, повышения ее лояльности к бренду и стимулирования продаж. Слоганы делят на имиджевые и товарные. Имиджевые выражают основную суть философии компании, бренда, товара или услуги. Товарные же ориентированы на увеличение продаж, поэтому чаще апеллируют к уникальному торговому предложению. Отметим, что при создании слоганов специалисты опираются на три правила: краткость, понятность и простота.

Изображения в виде фотографий тоже можно считать реализацией креативной идеи. Фотографии помогают видеть реальные вещи такими, какие они существуют в жизни.

Уильям Миллер предложил классификацию всех креативных людей, работающих над созданием рекламы, состоящую из четырех групп. Представители каждой группы используют один из четырех видов инновационных стилей: воображение, модификация, эксперимент, исследование. Стил «воображение» предполагает, что люди представляют себе итоговый результат и продолжают двигаться в этом направлении. «Модификация» подразумевает, что специалисты двигаются поэтапно, базируясь на ранее приобретенных знаниях. «Эксперимент» подразумевает, что люди собирают и обрабатывают информацию о товаре и потенциальных потребителях. «Исследование» предполагает, что люди осуществляют кардинальные перемены, в результате которых рождается взгляд под другим углом, возникает новая точка зрения на

имеющийся объект [см. 12, с. 29]. Необходимо отметить, что креативные стратегии реализуются на практике с помощью разнообразных креативных стилей.

Если рассмотреть функциональную разницу между данными понятиями, можно сделать вывод, что креативные стратегии – это своего рода каркас, основа рекламного сообщения. Именно креативные стратегии определяют содержание рекламного сообщения, благодаря которому конечный потребитель с легкостью определяет, от какого именно бренда он получает информационный посыл. Креативные стили же, по сути, это тактическое воплощение информационного сообщения, то есть креативные стили определяют способ передачи рекламного сообщения потенциальному потребителю [см. 3, с. 23].

В работе «(Не)Здравый смысл рекламы» Санжай Тивари проводит аналогию между процессом создания рекламы и приготовлением пищи. Он утверждает, что любой стратегический рекламный подход связан с тем, какое блюдо предпочтительнее приготовить для гостей, чтобы они остались довольны. Креативный стиль похож на решение относительно того, как лучше представить приготовленное блюдо, чтобы гости остались довольны и предпочли бы это блюдо в следующий раз [см. 15, с. 18].

Проанализировав работы таких отечественных и зарубежных специалистов, как П. Берд [2], Х. Беркитт [3], Х. Кафтанджиев [7], А. К. Назимко [12], А. Уиллер [17], С. Тивари [15], мы выявили, что в работе компании «Бренд Медиа» можно вычлени следующие эффективные методы применения креативных стратегий:

– «проблема – решение», «до и после». В начале рекламного сообщения ставится проблема, а решение проблемы предлагается в конце. Поставленная проблема может быть совершенно разного рода. Обычно в конце демонстрируется положительный эффект, который достигается при применении продукции рекламируемого бренда. Примером такого сообщения может служить препарат для снижения веса «Блокатор калорий»;

— сравнение способов решения проблемы. Основная задача – показать, что рекламируемый товар наиболее эффективный среди аналогов. Примером служит реклама бытовой техники;

— демонстрация результатов использования-неиспользования или принципов действия товара. Основа данного рекламного сообщения – демонстрация отрицательных результатов при использовании товаров той же категории другого производителя. Пример – реклама средства от накипи;

— демонстрация способов изготовления товара. В этом случае подчеркиваются преимущества и достоинства товара, которые тот приобретает благодаря применяемым уникальным технологиям производства. Примером служит реклама детского питания, в которой говорится, что при производстве используются натуральные и свежие продукты и демонстрируется процесс производства детского питания;

— «перенесение в прошлое и будущее». К методу обращаются для того, чтобы подчеркнуть неизменность качества товара, сохранение традиций. Примером использования служит реклама кваса «Русский дар», слоган которой звучит так: «Вековые традиции русского кваса»;

— «манипуляции с расстоянием». Основной стратегический ход этого метода заключается в демонстрации близости к рекламируемому товару. Например, щит с рекламой итальянского ресторана сообщает водителям расстояние до ближайших итальянских ресторанов. «Где можно попробовать хорошую итальянскую кухню? Рим - 4 574 мили, Венеция - 4 634 мили, итальянский ресторан - ближайший поворот налево»;

— «свидетельство и рекомендация». В этом случае прибегают к оценке профессиональными специалистами из различных сфер деятельности, например, косметологов, стоматологов и других. Примером является реклама зубной пасты, шампуня. Также используются образы потребителей, которые сомневаются в качестве товара, но эксперимен-

тальным путем им демонстрируют качество и необыкновенные свойства рекламируемого товара. Примером может послужить реклама продукции бытовой химии;

— «показ товара в экстремальной ситуации». Товар, проявивший себя в экстремальной ситуации, подтверждает свою пригодность в обычных условиях. В качестве примера может служить ролик, в котором мужчина, ведущий автомобиль, видит утят, переходящих дорогу. Он нажимает на тормоза, которые не срабатывают. Водитель открывает дверь автомобиля и тормозит ногой. Обувь выдерживает испытание, оставаясь неповрежденной;

— «использование заимствованной ситуации». Метод заключается в использовании культурного наследия прошлых эпох. Данный прием необходимо применять очень тактично, так как можно создать недопустимую законодательством неэтичную рекламу, порочащую предметы искусства, составляющие национальное и мировое культурное наследие [см. 18, с. 36];

— гипербола и литота. Гипербола позволяет преувеличить размер, функциональные характеристики, значимость товара, проблему, которую помогает решить товар;

— метафора. В этом случае основная задача – максимально приблизить образ, свойства рекламируемого товара к знакомым ощущениям или предметам;

— олицетворение. Идея использования этого приема базируется на придании рекламируемому товару качеств человека, при этом происходит процесс одушевления. Данный прием считается эффективным, так как вызывает положительные эмоции у целевой аудитории [см. 9, с. 45].

Рассмотрим креативные стратегии, которые используются в работе рекламного-маркетингового агентства ООО «Бренд Медиа». Начнем анализ продукции ООО «Бренд Медиа» с рассмотрения зарегистрированного логотипа компании (рис. 1).

Рис. 1. Логотип агентства ООО «Бренд Медиа»
Fig. 1. The ООО "Brand Media" Agency logo

При изготовлении логотипа был использован смешанный вид креативных стратегий: ориентация на уникальное торговое предложение (УТП), использование знакомых образов и метафора [см. 3, с. 29]. Надпись в верхней части «рекламно-маркетинговое агентство» использована для унификации компании. Метод УТП основан на отражении в логотипе оказание маркетинговых услуг, которые, наряду с рекламными услугами, оказывает агентство. «Поскольку логотип часто применяется на носителях, используемых в средствах организованного общения людей (произведенная продукция, афиши, коммерческие документы, распоряжения для внутреннего пользования), его первостепенная задача состоит в обеспечении узнавания выпускающей организации различными слоями потребителей. И в этом смысле он рассматривается как самый представительный и обобщенный идентифицирующий коммуникационный элемент организации или марки, как «основная составляющая любой программы зрительной идентификации» [18, с. 38].

В названии компании использован креативный подход – использование знакомых образов, который заключается в слове «бренд», так как понятие «бренд» вызывает следующий ассоциативный ряд: бренд – известность – успешность [17, с. 38]. Слоган рекламного агентства является частью логотипа и звучит так: «Ваш бизнес в движении». Креативный метод, примененный при его разработке – это метафора.

Далее мы проанализировали креативные методы создания рекламных сообщений, которые наиболее часто применяются в компании. Для примера рассмотрим рекламную

кампанию магазина дверей «Гардиан». На начальном этапе разработки креативной стратегии были выявлены главные проблемы, которые может испытывать потенциальный потребитель. Основной задачей, стоящей при разработке креативной стратегии, выступала демонстрация способов решения поставленной проблемы, то есть необходимо было побудить целевую аудиторию приобрести дверь именно в магазине «Гардиан». Для реализации идеи было определено УТП товаров данного магазина. Основная тактика рекламной кампании заключалась в использовании трех различных макетов, которые чередовались во время трансляции. Креативная стратегия использовалась смешанного типа, в котором сделан акцент на УТП, применено использование нестандартного изображения в виде рисованного комикса. Данный художественный прием использован для привлечения внимания и запоминаемости рекламы. Первый макет основывался на решении проблемы постороннего шума, который доставляет дискомфорт потребителю (рис. 2).

Рис. 2. Первый макет рекламы магазина «Гардиан»

Fig. 2. The first layout of advertisement of the store "The Guardian"

Анализируя макет рекламного сообщения, можно сделать вывод, что основной акцент был сделан на художественной основе, применялся метод «до и после». Макет логически разделен на две части. В левой части на заднем плане изображен человек, издающий громкие звуки. Они проникают сквозь уставшую дверь представителя целевой аудитории. Если обратить внимание на полумесяц, изображенный в окне, то выстраивается следующая логическая цепочка: ночное вре-

мя – сильный шум – невозможность заснуть. В правой части макета предложено решение: вместо устаревшей двери установлена дверь конкретного магазина, а для наглядности на ней имеется логотип компании. Проблема имеет решение. Человек на заднем плане продолжает издавать громкие звуки, но пред-

ставитель целевой аудитории крепко спит, так как его сон ничто уже не может потревожить.

Второй макет рекламной кампании основывался на решении проблемы незащищенности потребителя (рис. 3).

Рис. 3. Второй макет рекламы магазина «Гардиан»
Fig. 3. The second layout of advertisement of the store "The Guardian"

Второй макет рекламной кампании также разделен на две части, однако в этом случае использовался метод демонстрации результатов неиспользования или принципов действия товара. В левой части рекламного сообщения изображен грабитель, проникший в квартиру, где поставлена некачественная дверь. Образ целевой аудитории отсутствует, но мы видим имущество (мешок с деньгами). На правой части изображен грабитель, который не смог попасть в жилище, так как в нем установлена дверь «Гардиан», послужившая крепкой защитой от злоумышленников. При

обзоре макета можно сделать вывод о том, что целевая аудитория, озабоченная проблемой незащищенности имущества, непременно обратит внимание на ситуацию, представленную в рекламе, и приобретет дверь из ассортимента данного магазина. В рассматриваемом макете использован метод «страха». Это обусловлено тем, что потребители зачастую боятся утратить что-либо.

Третий макет рекламной кампании посвящен проблеме отсутствия теплоизоляции, которую испытывает большое число потенциальных потребителей (рис. 4).

Рис. 4. Третий макет рекламы магазина «Гардиан»
Fig. 4. The third layout of advertisement of the store "The Guardian"

На левой стороне изображено проникновение холодного воздуха в жилище. Использован креативный прием – метафора. Холод-

ный воздух мультиплицирован и представлен в образе Деда Мороза. Актуальность макета заключается в том, что рекламная компания

была запущена накануне новогодних праздников. На правой стороне мы видим Деда Мороза, который не смог впустить холод через дверь «Гардиан» и сломал свой посох. Магазин дверей «Гардиан» в своей рекламной кампании предлагает решение проблемы путем приобретения дверей с теплоизоляцией.

Для оценки мнений специалистов о применении креативных стратегий в деятельности агентства мы провели опрос менеджеров, принимающих участие в создании креативной рекламы. Сбор данных осуществлялся методом анкетирования, в котором приняли участие 226 респондентов, работающих в сфере рекламы – 127 мужчин и 99 женщин в возрасте от 18 до 55 лет. При выборе креативной стратегии для создания рекламы 84 % сотрудников пользуются собственным опытом, 26 % руководствуются мнением коллег. С точки зрения *всех* (100 %) респондентов, выбор креативной стратегии играет большую роль в производстве рекламы. 65 % опрошенных приходилось слышать о вновь появляющихся креативных стратегиях, и они стараются их применять, а 35 % пользуются проверенными способами и не доверяют новым. Специалисты в количестве 62 % опрошенных считают применение креативных стратегий в рекламе необходимым, 38 % выбрали ответ «другое». На вопрос, какой считают креативную рекламу, респонденты единогласно дали ответ – эффективной. Опрошенным были предложены три группы цветов. Большая часть (87 %) выбрали вариант, в который входили черный, золотой, красный и желтый, по их мнению, именно эти цвета ассоциируются с креативной рекламой. Остальные 23 % выбрали «другое». Точки зрения разделились при ответе на вопрос о том, какими креативными методами специалисты в области рекламы пользуются в своих проектах: 32 % – метафорой, 31 % – УТП, оставшиеся 37 % считают эффективным применение смешения методов. По мнению профессиональных сотрудников рекламных агентств, размещение рекламных сообщений в СМИ, изготовление видео- и аудиороликов

нуждаются в применении креативных стратегий. Разработка и создание образа, концепций, брендинг, разработка и изготовление WEB-сайтов, интернет-реклама нуждаются в применении данных стратегий по мнению 13,2 % опрошенных. Производство полиграфических материалов, изготовление и размещение наружной рекламы, медиатактика, разработка и организация PR кампаний набрали по 6,6 %.

Подводя итоги исследования, мы пришли к выводу, что креативная стратегия является эффективным инструментом для достижения успеха рекламы, ее использование в дальнейшем приводит к формированию положительного имиджа и привлечению новых клиентов.

Рекомендации, которые мы предложили рекламно-маркетинговому агентству ООО «Бренд Медиа» – это развитие деятельности в области интернет-рекламы, поскольку «к общению посредством Интернета нередко относятся как к "социальной виртуальной реальности", имея при этом в виду, что такое общение имеет место в искусственной среде, лишенной многих атрибутов межличностного общения, а участники общения опираются на редуцированные образы партнеров, которые могут презентовать себя с включением произвольно отобранных, неточных или даже вымышленных элементов» [6, с. 89]. Функциональный состав интернет-рекламы широк, так как существует возможность создания таргетинговой и контекстной рекламы, а креативная команда ООО «Бренд Медиа» сможет легко и с профессиональным качеством создать и воплотить любую идею.

На основании проанализированного нами опыта использования креативных стратегий конкретного рекламного агентства можно сделать вывод о том, что роль креативных стратегий заключается в проектировании положительного восприятия товара. Креативные стратегии применяются в смешанном виде, благодаря этому альянсу появляется возможность повышения эффективности рекламного сообщения и привлечения большего числа представителей целевой аудитории. Учитывая этот факт, рекламное сообщение

при использовании креативных стратегий должно быть ориентировано на конкретного потребителя. После того как определена конкретная стратегия, рекламному сообщению необходимо придать оболочку. Для этого специалисты прибегают к использованию креативных стилей, представляющих собой подсистемы креативных рекламных стратегий. Грамотное сочетание креативной стратегии с соответствующим креативным стилем позволяют создать рекламное сообщение, полностью соответствующее особенностям представителей целевой аудитории.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: authors have no conflict of interests to declare.

Литература

1. Ассель, Г. Маркетинг: принципы и стратегии: учебник / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. 564 с.
2. Берд, П. Продай себя! Тактика совершенствования вашего имиджа / Пер. с англ. Т.А. Сиваковой. Минск: Амалфея, 1997. 207 с.
3. Беркитт, Х., Зилли, Д. Маркетинг победителей. Советы лучших маркетологов мира / пер. с англ. О.А. Ильенко. М.: Группа ИДТ, 2008. 304 с.
4. Браун, Л. Имидж – путь к успеху. М.: Эксмо, 2013. 192 с.
5. Войкунский, А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. 2012. № 1. С. 82-101.
6. Гольман, И.А. Добробабенко, Н.С. Практика рекламы. Десять уроков для советского бизнесмена. Новосибирск: СП «Интербук», 1991. 73 с.
7. Кафтанджиев, Х. Гармония в рекламной коммуникации. М.: Эксмо, 2005. 85 с.
8. Кортланд, Л.Б., Уильям, Ф.А. Современная реклама. М.: Издательский дом «Довгань», 1995. 691 с.
9. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Пер. с англ. Е. Пеньковой, науч. ред. Е. Пеньковой. М.: Прогресс, 2011. 651 с.
10. Лэйхифф, Д. М. Бизнес-коммуникация. СПб.: Питер, 2015. 686 с.
11. Миллер, А. Реклама: Энциклопедия для всех. М.: Вершина, 2013. 256 с.

12. Назимко, А.К. Событийный маркетинг. Руководство для заказчиков и исполнителей. М.: Вершина, 2012. 224 с.

13. Новаторов, Э.В. Маркетинг услуг: теория и технология. СПб.: ИП Петров, 2015. 200 с.

14. Огилви, Д. Огилви о рекламе / Пер. с англ. А. Гостева, Т. Новиковой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 239 с.

15. Тивари, С. (Не)Здравый смысл рекламы. СПб.: Питер, 2004. 304 с.

16. Туэмлоу, Э. Графический дизайн: Фирменный стиль новейшие технологии и креативные идеи. М.: Астрель, АСТ, 2013. 108 с.

17. Уиллер, А. Индивидуальность бренда. Руководство по созданию, продвижению и поддержке сильных брендов. М.: Москва, 2009. 236 с.

18. Эйри, Д. Логотип и фирменный стиль: руководство дизайнера. 2-е изд. СПб.: Питер, 2016. 224 с.

19. Hopkins, C. My life in advertising. New York: Harper & Brothers, 1927. 143 p.

20. Reeves, R. Reality in Advertising. New York: Alfred A. Knopf, 1961. 154 p.

21. Young, J. W. A Technique for Producing Ideas. New York: Amazon Digital Services LLC, 1975. 66 p.

References

1. Assel, H. *Marketing: Principles and Strategy*. Moscow: INFRA-M, 1999. 564 p. (in Russ.)
2. Bird, P. *Sell Yourself. Tactics Perfect Your Image*. Minsk: Amalfeya, 1997. 207 p. (in Russ.)
3. Burkitt, H. and Zilli, D. *Marketing Winners*. Moscow: Gruppya IDT, 2008. 304 p. (in Russ.)
4. Brown, L. *Image – the Path to Success*. Moscow: Eksmo, 2013. 192 p. (in Russ.)
5. Voikunsky, A. E. Internet – a New Field of Research in Psychological Science (in Russ.) *The Scientific Notes of the Department of General Psychology of Moscow State University*. No. 1. 2012. Pp. 82-101.
6. Golman, I. A. and Dobrobabina, N. S. *The Practice of Advertising*. Novosibirsk: SP "Interbuk", 1991. 73 p. (in Russ.)
7. Kaftandjiev, Ch. *Harmony in Advertising Communication*. Moscow: Eksmo, 2005. 85 p. (in Russ.)
8. Courtland, L. B. and William, F. A. *Contemporary Advertising*. Moscow: Publishing house "Dovgan", 1995. 691 p. (in Russ.)
9. Kotler, P. *Principles of Marketing*. Ed. E. Penkova. Moscow: Progress, 2011. 651 p. (in Russ.)

10. Lahiff, D. M. *Business Communication*. St. Petersburg: Piter, 2015. 686 p. (in Russ.)

11. Miller, A. *Advertising: Encyclopedia for All*. Moscow: Vershina, 2013. 256 p. (in Russ.)

12. Nazimko, A. K. *Event Marketing. Guide for Customers and Performers*. Moscow: Vershina, 2012. 224 p. (in Russ.)

13. Novatorov, E. V. *Marketing of Services: Theory and Technology*. St. Petersburg: IP Petrov, 2015. 200 p. (in Russ.)

14. Ogilvy, D. *Ogilvy on Advertising*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2012. 239 p. (in Russ.)

15. Tiwari, S. *The (Un)Common Sense of Advertising: Getting the Basics Right*. St. Petersburg: Piter, 2004. 304 p. (in Russ.)

16. Tuemlou, E. *Graphic Design: Corporate Identity, The Latest Technology and Creative Ideas*. Moscow: Astrel, AST, 2013. 108 p. (in Russ.)

17. Airey, D., *Logo Design Love: A Guide to Creating Iconic Brand Identities*. St. Petersburg: Piter, 2016. 224 p. (in Russ.)

18. Wheeler, A. *Designing Brand Identity: A Complete Guide to Creating, Building, and Maintaining Strong Brands*. Moscow: "Moscow", 2009. 236 p. (in Russ.)

19. Hopkins, C. C. *My Life in Advertising*. NY: Harper & Brothers, 1927. 143 p.

20. Reeves, R. *Reality in Advertising*. NY: Alfred A. Knopf, 1961. 154 p.

21. Young, J. W. *A Technique for Producing Ideas*. NY: Amazon Digital Services LLC, 1975. 66 p.

ОБ АВТОРАХ:

Бурлакова Елена Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры культуры, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия, bev26223@mail.ru

Качалова Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры, Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, д. 30, г. Липецк, 398600, Россия, smkachalova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Elena V. Burlakova, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Culture, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia, bev26223@mail.ru

Svetlana M. Kachalova, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Culture, Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398600, Russia, smkachalova@mail.ru

СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 171+172

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-3-42-45

Газнюк Л. М.

ФИЛОСОФСКИЙ ЭТОС НОРМЫ В СОЦИАЛЬНОМ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, *lgazn@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является обоснование нормотворчества как одного из возможных феноменов, объединяющих экзистенциальные и нормативные модусы человеческого существования. Методологически статья выполнена как сущностный анализ высших ценностей социума на основе положений экзистенциализма и философии жизни с учетом психологических установок. Результатом исследовательской работы является экспликация смысла и значения понятия ценности для понимания проблем нормотворчества. Применение результатов исследования возможно при разрешении напряжения, возникающего в социальной ткани бытия и духовном мире личности и социума в целом, которое оформляется и существует как противоречие реальных, наличных и социальных норм и принципов.

Ключевые слова: нормотворчество; этос нормы; конфликт ценностно-нормативных систем; антиценности; экзистенциальное бытие человека.

L. M. Gazniuk

PHILOSOPHICAL ETHOS OF THE NORM IN THE SOCIAL
AND EXISTENTIAL BEING OF MAN

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, *lgazn@mail.ru*

Abstract. The aim of the article is to justify rulemaking as one of the possible phenomena which integrates the existential and normative modus of human existence. Methodologically, the article is fulfilled as an essential analysis of the society highest values on the basis of existentialism and the philosophy of life behaviours, taking into account mental sets. The result of the research work is the explication of the sense and meaning of the value concept for understanding the problems of rulemaking. The application of research results is possible with the resolution of the tension that arises in the social tissue of being and the spiritual world of the individual and the society as a whole that forms and exists as a contradiction of real, available and social norms and principles.

Key words: rulemaking; ethos of norms; conflict of value-normative systems; antivalues; existential human being.

Норма как особая сфера бытия до середины XIX века рассматривалась в философской традиции как органичный и необходимый элемент жизни человека. Нормативности противопоставлялась аномалия, аморальность, потеря ценностных ориентиров.

А. Шопенгауэр впервые осмелился показать противоречивость обязательности и ценности нормативного, тем самым выделив его как особый феномен человеческого бытия [см. 5]. Философ не пытался разрушить мораль, а только хотел найти настоящие основы нрав-

ственных принципов. Возникновение морального начала у каждого индивида имеет уникальную историю и уникальное содержание. Именно уникальность выводит человека из сферы действия общеобязательных норм и оценок. Со временем Ф. Ницше радикализировал моральные интуиции Шопенгауэра, отбросив не только нормативное в морали, но и саму мораль. Он показал агрессивность нормативного, которое служит пристанищем посредственности духовного убожества [см. 2]. Дальнейшая радикализация негации нормативного происходит в «апофеозе беспочвенности» Л. Шестова. Сфера нормативного воспринимается им как сфера абсолютной власти необходимости [см. 4].

С. Кьеркегор несколько не отрицал высших ценностей, но при этом подвергал сомнению тождество общезначимости и истинности. Общепринятые правила поведения ограничивают человека, закрывая для него сферу собственно этического, где с реализацией абсолютного выбора между добром и злом человек творит себя как уникальную и неповторимую личность. Кьеркегор вводит различие настоящего и ненастоящего человеческого бытия, а сам термин «экзистенциал» приобретает ценностное измерение. Человек может через «продвижение веры» перейти в область этического [см. 1]. Вера - это риск выбора, который, отрицая мир необходимости, освобождает человека от груза прошлой нормативности. Способность сделать выбор, получая веру, зависит только от критического и напряженного отношения к своему существованию. Переступая границу нормативности, человек получает более высокую цель – веление Абсолюта, превышающее общезначимые и общепринятые ценности и нормы. В экзистенциальной философии нормативный и экзистенциальный аспекты человеческого бытия приобретают статус противоположностей как ценности и антиценности. Экзистенциальный мир человеческого бытия выступает антагонистом социального бытия, которое исчерпывается нормативностью. При этом абсолютный выбор С. Кьеркегора как различение добра и зла, как переход к настоящей морали, трансформируется в выбор между экзистенциализмом и нормативностью.

Это выбор между абсолютной свободой и абсолютной ответственностью, с одной стороны, и совокупностью социальных норм, систем социальных ролей, в которых человек растворяет себя без остатка, где он приравнивается безликому коллективу *man* – с другой. Спасти свою человеческую уникальность как самоценность человек может, получив те условия бытия, в которых возможно постоянное пребывание в состоянии свободы. Нормативное теряет свою власть в пограничных, кризисных ситуациях, открывая границы для свободного конструирования человеком своего бытия. В кризисных ситуациях взаимодействуют полярно разведенные экзистенциальный и нормативный аспекты человеческого бытия. В нормативной ткани бытия происходит разрыв, через который является бытие истинное, собственно человеческое, когда человек словно переходит в другое измерение, где существует другая возможность и реализуется основная характеристика человека – быть свободным и только из себя черпать, по выражению К. Ясперса, формы и нормы своего бытия [см. 6].

Вторая возможность столкновения экзистенциального и нормативного аспектов человеческого бытия – это искусство, где исчезновение нормативного в экзистенциальном предстает как условие и как результат реализации творческих потенций человека.

В сфере нормотворчества исчезает абсолютность противостояния нормативных и экзистенциальных аспектов человеческого бытия, они теряют качества атрибутивности, становясь только модусами единого целого жизни человека. В философии М. Хайдеггера разворачивается проект нормативности человеческого бытия, основанной на культивировании первичного мироотношения, централизованного вокруг философемы «земли», т.е. на «сверконцентрации» смыслового потенциала, что предусматривает «внутренний» органично засвидетельствованный «контакт с бытием». Этот проект не только исторически, но и логически, сущностно выявился глубоко связанным с радикальными аномалиями нынешнего столетия – именно потому, что культ «крови и земли» радикальным образом разрушает сам принцип универсальности любых

норм, открывая путь к любым ужасным экспериментам над теми, кто оказался как-то «неправильно» укорененным [см. 3].

В постмодернизме идея тотальной «плюральности», как отрицание универсальности норм, по существу, является прямой наследницей аномалий XX столетия, хотя и в более мягком, «симулятивном» варианте. Декларируемая толерантность практически выражается в безразличии к Другому. Антропологическое основание феномена «постмодернизм» деструктивно, поскольку восстание против принципа иерархии побуждает постмодернистское мышление к отрицанию привилегированного статуса традиционных ценностей, нивелирующему жизненные смыслы и ценностное содержание человеческой субъективности как таковой. Тотальная плюралистичность предстает как новая форма аномальности в соединении с радикальным безразличием как экзистенциальным феноменом, идеологически преподносимым под видом толерантности.

Нормотворчество функционирует через обращение к высшим ценностям, имеющим как секулярный, так и сакральный характер. В современном мире новые моменты в становлении нормотворчества связаны с размытием субъекта, когда он как будто нивелируется безликой коллективностью, хотя объективно роль отдельного члена группы не претерпевает существенных изменений. Преобладающей формой реализации поведения сегодня становится норма, вытесняющая традиции на второй план. Традиционная автономность субъекта распространяется почти на все сферы человеческой деятельности. При столкновении различных нормативных систем может иметь место конфликт между экзистенциальным и нормативными модусами человеческого бытия.

Пространство нормотворчества функционирует в социокультурном взаимодействии различных групп, в котором имеет место контакт различных социумов и культур, а освоение элементов чужой ценностно-нормативной системы входит в противоречие с собственными экзистенциальными ценностями и нормами прежнего социума. При условии усвоения и принятия ценностей и

норм нового социума субъектом базис, сформированный в нем автохтонной культурой, запускает механизм встраивания в новую социокультурную среду. Однако экзистенциальный конфликт ценностно-нормативных систем как абсолютное противостояние различных ценностных систем не является единственной возможной ситуацией. Одним из возможных результатов соприкосновения различных социумов является перевод ценностей одной культуры на «язык» другой. Продуктом подобного перевода является культурная инновация, благодаря которой реализуются возможности взаимоосмысления и взаимообогащения. Многие инновации общекультурного характера в результате межкультурных контактов ограничиваются особенностями социальной структуры социума-реципиента. Сами культурные инновации влияют на социальную структуру, на стабильность социума через сложную систему опосредования. Культурная инновация позволяет рельефно увидеть, что рефлексия нормативной системы не приводит к необходимости ее критической переоценки, а только позволяет найти пути сохранения существующей ценностно-нормативной системы.

Многоплановость сосуществования различных экзистенциальных смыслов как необходимый элемент собственно культурной сферы нормотворчества в определенной мере противостоит жесткой и более строгой определенности, однозначности социальных нормативов, которые обеспечивают упорядоченность и стабильность социума. Общим для большинства понятий ценности, используемых в основном в описательном, а не в объяснительном контексте, является то, что они легко заменяются понятием социальной нормы, и таким образом социальные ценности и ценности инструментальные не воспринимаются как особые образования.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Кьеркегор, С. Страх и трепет / Пер. с дат. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Ницше, Ф. Сочинения в 2-х т. Т. 1. / Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна; пер. с нем. М.: Мысль, 1990. 829 с.
3. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / Сост., пер. с нем., вступ. ст., прим. А. В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
4. Шестов, Л. И. Апофеоз беспочвенности // Шестов Л.И. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Томск: Водолей, 1996. 448 с.
5. Шопенгауэр, А. Свобода воли и нравственность / Общ. ред., сост., вступ. ст. А. А. Гусейнова и А. П. Скрипника. М.: Республика, 1992. 448 с.
6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

References

1. Kierkegaard, S. *Fear and Trembling*. Moscow: Respublika, 1993. 383 p. (in Russ.)
2. Nietzsche, F. *Works in 2 vol.* Vol. I. Moscow: Mysl', 1990. 829 p. (in Russ.)
3. Heidegger, M. *Works and Reflections of Different Years*. Moscow: Gnozis, 1993. 464 p. (in Russ.)

4. Shestov, L. I. *Apotheosis of Groundlessness. Works in 2 vol.* Vol. II. Tomsk: Vodoley, 1996. 448 p. (in Russ.)

5. Schopenhauer, A. *Freedom of Will and Morality*. Moscow: Respublika, 1992. 448 p. (in Russ.)

6. Jaspers, K. *The Origin and Goal of History*. Moscow: Politizdat, 1991. 527 p. (in Russ.)

ОБ АВТОРЕ:

Газнюк Лидия Михайловна, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор, ул. Победы, д. 85, Белгород, 308015, Россия; lgazn@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Lidiya M. Gazniuk, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, lgazn@mail.ru

УДК 165.6;167

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-3-46-49

Бейлин М. В.

**АНАЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ПОНИМАНИИ
И. В. ГЁТЕ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, *mysh_07@mail.ru*

Аннотация. Целью статьи является обоснование методологического потенциала современного холизма и его развитие под влиянием идей синергетики. Методологически статья выполнена на основе анализа предметного мышления И. В. Гёте. Результатом исследовательской работы является представление предметного мышления как не простого зеркального отражения чувственно воспринимаемой реальности, а феномена, предполагающего, что психическая активность и творческое воображение исключают малозначимое и случайное, обнаруживают скрытое или недостающее и, возможно, открывают новое, ранее неизвестное. Применение результатов исследования при формировании базовой системы философских оснований нанотехнологий способствует их включению в общенаучную картину мира, мировоззрение и человеческую культуру.

Ключевые слова: аналитическая методология; И. Гёте; предметное мышление; идея целостности природы; идеальный образ; творческое воображение.

M. V. Beilin

**ANALYTICAL METHODOLOGY IN THE UNDERSTANDING
OF J. W. GOETHE**

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, *mysh_07@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the methodological potential of modern holism and its development under the influence of synergetic ideas. Methodologically, the article is based on the analysis of Goethe's subject thinking. The result of the research work is the representation of objective thinking as not just a simple mirror reflection of the sensually perceived reality, but as a phenomenon that suggests that mental activity and creative imagination exclude the insignificant and accidental, reveal the hidden or the missing and, possibly, open a new, previously unknown ones. Application of research results in the formation of the basic system of the nanotechnology philosophical foundations contributes to their inclusion in the general scientific picture of the world, worldview and human culture.

Keywords: analytical methodology; J. Goethe; objective thinking; idea of the nature integrity; ideal image; creative imagination.

В традиционном естествознании физический процесс рассматривался как нечто объективное, происходящее само по себе, а не как явление, познаваемое посредством тех или иных особенных средств наблюдения или измерения. Предполагалось, что влияние на процесс любых познавательных практических воздействий можно полностью исключить или компенсировать. Такого рода базис-

ная абстракция может быть названа, в духе В. А. Фока, абсолютизацией физического процесса.

Во второй половине XVIII века, когда аналитическая методология заняла в науке непоколебимые, как тогда казалось, позиции, она была подвергнута критике знаменитым Иоганном Вольфгангом Гёте, которому принадлежат не только «Страдания юного Верте-

ра» и «Фауст». Им также были выполнены оригинальные, хотя и далеко небесспорные труды в естествознании, в частности, в области учения о цвете (всестороннее и глубокое исследование научных изысканий И. В. Гёте выполнил В. И. Вернадский [см. 2, с. 224-265]). «Столетие, исключительно отдающееся анализу и как бы пугающееся синтеза, не стоит на правильном пути; ибо только оба вместе, как вдыхание и выдыхание, составляют жизнь науки», – утверждал Гёте [6, р. 405]. Таким образом, он категорически выступал против абсолютизации анализа – и в теории, и в эксперименте.

Гёте с большим энтузиазмом отнесся к опубликованному в 1822 г. антропологом И. Х. Хайнратом отзыву о его способе мышления, который Хайнрат в книге «Учебник антропологии» назвал предметным. Он выразил согласие с тем, что его «мышление не отделяется от предмета, что элементы предметов, созерцания входят в него и интимнейшим образом проникаются им; что само мое мышление является созерцанием, созерцание – мышлением» [4, с. 263]. Но предметное мышление – отнюдь не простое зеркальное отражение чувственно воспринимаемой реальности. Оно предполагает ряд шагов, когда психическая активность, творческое воображение исключает неважное и случайное, обнаруживает скрытое или недостающее, возможно, открывает новое, ранее неизвестное. В результате этого процесса в сознании формируется «чистый феномен», «прафеномен». Он – уже не просто копия предмета, а его идея, или идеальный образ.

В процессе предметного мышления не представляется возможным избежать ни обращения к отдельным экспериментальным данным, ни к абстракции. Однако на пути синтеза идеального образа они играют подчиненную роль и подлежат сознательному контролю разума, принявшего идею целостности природы как свое основоположение [5, с. 372; 381-382].

В таком статусе анализ в его разнообразных формах уже не пугает Гёте. Мы находим у него ряд замечаний о неразрывности анализа и синтеза, родственных по смыслу уже приведенному выше. Более того, мыслитель

указывал, что «тупо разделяющий педантизм и сливающий мистицизм – оба приносят одинаковый вред». Однако негативное отношение к абсолютизации анализа существенно сказалось на отношении Гёте ко всякому его применению и помешало немецкому мыслителю, как со временем заметил В. И. Вернадский, использовать «могучий рычаг количественного, числового знания» [2, с. 261].

Гёте, согласно оценке академика Вернадского, «синтетик, а не аналитик... Очень характерно для Гёте, что его целое не было механически прочным, независимым, как мог бы проявляться современникам мир всемирного тяготения. Это было вечно изменчивое, вечно подвижное, в частности неустойчивое равновесие, не механизм, а организованность» [2, с. 262]. Поэтому сложилась парадоксальная ситуация: Гёте, выпавший из мейнстрима современного ему естествознания, по своему мировоззрению и методологии оказался близок науке второй половины XX – начала XXI вв., уделяющей главное внимание не механизмам, а открытым сложным неравновесным системам, способным к самоорганизации целостностям. Гёте мыслил синтетически. Он считал, что нельзя разделить природные явления на независимые друг от друга части без вреда для получаемого вывода, и был убежден, что природу необходимо воспринимать как целое. «Синтетическое изучение объектов природы – ее естественных тел и ее самой, как “целого” – неизбежно вскрывает черты строения, опускаемые при аналитическом подходе к ним и дает новое. Этот синтетический подход характерен для нашего времени в научных и философских исканиях. Он ярко проявляется в том, что в наше время грани между науками стираются, мы научно работаем по проблемам, не считаясь с научными рамками» [1].

Хотя Г. В. Ф. Гегель по мировоззрению и способу мышления радикально отличался от И. В. Гёте, он высоко оценил философское наследие поэта. Несомненно, писал он, истина может быть познана посредством опыта. В опыте имеет большое значение, какой ум приступает к изучению действительности. Гёте, всматриваясь в природу или историю,

делает великие наблюдения, усматривает разумное и дает ему выражение [см.: 3, с. 127]. Правда, сразу же Гегель добавляет, что наиболее совершенным способом познания является познание в форме чистого мышления. По нашему мнению, в постижении целостности мира или конкретных реалий предметное мышление оказывается существенным дополнением понятийного. Благодаря своей синтетичности и образности оно может быть полезным не только в познавательной, но и в технологической активности, в процессе разработки и созидания задуманных продуктов. «Чистый феномен», или идеальный образ продукта, как и способ его получения, вполне может использоваться в дизайнерской активности в рамках соответствующей проектно-конструкторской работы, хотя, конечно, и не исчерпывая ее.

Таким образом, аналитическая методология классической науки базируется на редуцированном анализе и антиэммерджентном синтезе. Базовым алгоритмом познавательной активности может здесь быть как гипотетико-дедуктивный метод, нашедший завершение и блестящее применение в трудах Ньютона, так и аксиоматико-дедуктивный метод Декарта. Они различаются не в отношении понимания значимости аналитического характера исследования, а в конкретных способах осуществления анализа и синтеза. Нормами классической методологии выступают полное и точное описание объекта, которое имплицитно лапласовский детерминизм, а также объективизм, или абсолютизация физического процесса. Но уже в пору наивысших достижений аналитической методологии он был подвергнут критике со стороны Гёте. В попытках понять Вселенную не как механизм, а как живое целое, этот поэт-мыслитель развил оригинальное – не понятийное, а предметное, не аналитическое, а синтетическое мышление. Он отстал от естествознания и его аналитической методологии, однако по духу оказался близким науке второй половины XX – начала XXI века, направленной на познание открытых сложных нестабильных систем, способных к самоорганизации, то есть целостностей. Подобный опыт предметного мышления выглядит перспективным в смысле использо-

вания в дизайнерской активности в рамках проводимой проектно-конструкторской деятельности.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Вернадский, В. И. Мысли и замечания о Гёте как о натуралисте. [Электронный ресурс] URL: vernadsky.name/my-sli-i-zamechaniya-o-gyote-kak-o-naturaliste/ (дата обращения: 24.03.2016).
2. Вернадский, В. И. Труды по всеобщей истории науки / АН СССР, Комис. по разраб. науч. наследия В. И. Вернадского [и др.]; общ. ред., вступ. ст. С. Р. Микулинского; сост. М. С. Бастракова [и др.]. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 334 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 53-424.
4. Гёте, И. В. Избранные сочинения по естествознанию / пер. с нем., авт. примеч. И. И. Канаев, ред. Е. Н. Павловский. М.: АН СССР, 1957. 553 с.
5. Гёте, И. В. Общие вопросы естествознания // Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М.: АН СССР, 1957. 556 с.
6. Mahdjoubi, D. Epistemology of Design // Proceedings of the Seventh World Conference on Integrated Design and Process Technology, IDPT-2003. – Austin, Texas: Society for Design and Process Science, 2003. [Online] URL: <https://www.ischool.utexas.edu/~darius/Epistemology%20of%20Design-5-IDPT.pdf> (date of access 22.03.2016).

References

1. Vernadskiy, V. I. *Thoughts and Remarks about Goethe as a Naturalist*. [Online] URL: vernadsky.name/my-sli-i-zamechaniya-o-gyote-kak-o-naturaliste/ (date of access: March 24, 2016) (in Russ.)
2. Vernadskiy, V. I. *Works on the General History of Science*. Moscow: Nauka, 1988. 334 p. (in Russ.)
3. Hegel, G. V. F. *Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. I. The Science of Logic*. Moscow: Mysl', 1974. Pp. 53-424. (in Russ.)

4. Goethe, I. V. *Selected Works on Natural History*. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR, 1957. 553 p. (in Russ.)

5. Goethe, I. V. General Questions of Natural Science. *Selected Works on Natural Sciences*. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR, 1957. 556 p. (in Russ.)

6. Mahdjoubi, D. Epistemology of Design. *Proceedings of the Seventh World Conference on Integrated Design and Process Technology, IDPT-2003*. Austin, Texas: Society for Design and Process Science, 2003. [Online] URL: <https://www.ischool.utexas.edu/~darius/Epistemology%20of%20Design-5-IDPT.pdf> (date of access 22.03.2016).

ОБ АВТОРЕ:

Бейлин Михаил Валерьевич, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия, mysh_07@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Mikhail V. Beilin, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, mysh_07@mail.ru

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2017-3-3-50-52

Глотов М. Б.

**Е. А. ОКЛАДНИКОВА. «ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ»
ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ ЛАГОЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.
СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 131 с.**

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Набережная реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия, glotov.m@mail.ru

M. B. Glotov

**E. A. OKLADNIKOVA. "MY SWEET LITTLE VILLAGE"
THROUGH THE EYES OF THE INHABITANTS OF LAGOLOVO
SETTLEMENT OF LENINGRAD REGION.
St. Petersburg: Publishing House of Herzen State Pedagogical
University of Russia, 2017. 131 p.**

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia,
glotov.m@mail.ru

«Маленький мой край – как золотая капелька густого янтаря»
Саломея Нерис

Демографические ресурсы сельских территорий России в настоящее время составляют 23 % от общей численности населения страны. За годы реформ с карты России исчезли 9,2 тыс. сельских населенных пунктов, а в 36,2 % оставшихся проживает до десяти человек (в основном старики). Поселенческий потенциал России составляют 155,3 тыс. сельских населенных пунктов, из которых 13,1 тыс. не имеют постоянных жителей. В сельском расселении преобладает мелкодисперсность – 72 % сельских населенных пунктов имеют численность жителей менее 200 человек, а поселения с численностью свыше двух тысяч человек составляют всего 2 %.

Численность населения Ленинградской области по данным Росстата в 2017 году составила 1 791 916 человек. Сельское население Ленинградской области – 644 тыс. человек или 36 % населения региона. В трудоспособном возрасте в Ленинградской области находится 39 % населения, из них заняты в сельском хозяйстве 18 %. В области насчитывается 31 сельский населенный пункт с чис-

ленностью населения более 3 тыс. человек. В данных населенных пунктах совокупно проживает 139,9 тыс. человек.

Одним из таких сельских населенных пунктов является поселок в Ломоносовском районе области – *Лаголово* (первое обозначение его на карте в 1676 году, получило название «Laskila») ¹ расположенный в полутора километрах от Санкт-Петербурга. Население поселка насчитывает около 3500 человек, которые проживают на десяти улицах.

Изучению социально-культурного отношения жителей к своему поселению Лаголово посвящено оригинальное социологическое исследование, представленное в работе доктора исторических наук, профессора Е. А. Окладниковой «"Деревенька моя" глазами жителей Лаголовского поселения Ленинградской области».

Цель исследования – изучить отраженные сознанием жителей образы места жительства «как создателя и транслятора исторической памяти населения» [с. 7]. Главными коорди-

¹ Ссылаясь на сайт Лаголовского поселения, Е. А. Окладникова отмечает, «что около 1500 года деревни Логовалово, Логовалица и Мухколово входили в состав Дудоровского погоста Ореховецкого уезда Вотской пятины Великого Новгорода» [с. 64].

натами места были избраны географическое, социальное и духовное отражение, а координатами времени – прошлое, настоящее и будущее. Сверхзадачей было изучение Лаголово с социально-эволюционных позиций «как “живого организма”, который респонденты описывали с точки зрения “природно-географического, исторического, этнолингвистического и символического подходов”» [с. 63].

В качестве объекта исследования был выбран социальный ландшафт (разновидностью которого является «социокультурный ландшафт») как одна из разновидностей публичного пространства, обладающая «рядом специфических характеристик, отличающих его от городского и сельского ландшафта», [с. 14]. Предметом исследования стали образы места жительства респондентов в возрасте от 15 до 92 лет, из которых школьники составляют 27 % и пенсионеры – 27 %. Всего было опрошено 34 человека: восемь мужчин и 26 женщин [с. 24]. Для пилотажного нарративного исследования такой численный состав респондентов условно можно признать репрезентативным.

Основным методом исследования стало нарративное интервью. Дополнительно использовался метод изучения документов, хранящихся в музее и на сайте Лаголовского поселения, а также в Российском государственном историческом архиве. Исследование проводили восемь участников, в том числе шесть студентов факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, с 6 мая по 23 июня 2017 г.

В монографии Е. А. Окладниковой описанию проведения и результатов исследования предшествует экскурс в историю теории и практики изучения «культурного ландшафта» зарубежными² и отечественными учеными [с. 12-18]. Это свидетельствует, с одной стороны, о международном научном интересе к теме и проблеме исследования, а с другой – о возможности в дальнейшем представить

собственное видение ее решения. Вслед за некоторыми социологами Е. А. Окладникова полагает, что «существует тесная связь между интерпретациями пространства и описаниями общества, обитающего в границах этого пространства» [с. 7].

Предваряет описание результатов исследования утверждение, что одним из механизмов формирования коллективного чувства сплоченности населения выступают организованные местной администрацией «ритуальные практики» – народные праздники (масленица, день Победы) [с. 30-31]. Другим механизмом сплочения назван Интернет [с. 32].

В исследовании представлена ментальная карта места жительства, рассмотренная сквозь призму функционального, нравственно-регулятивного, позитивно-романтического, критического, нарративного, личностно-биографического подходов. С точки зрения автора, второе место после функционального подхода в осмыслении респондентами Лаголовской территории занимает позитивно-романтический, что «указывает на главенство идеи любви к месту жительства и нежное чувство к “малой родине” жителей Лаголово» [с. 45].

В связи с утверждением «моя малая родина – лучшее место в мире» 93 % респондентов дали 12 определений малой родины. В ответах большинства респондентов образ Лаголовского поселения «вызывает больше положительных коннотаций, чем отрицательных» [с. 50]. В то же время для многих респондентов образ места жительства определяется через «хозяйственную деятельность» или в зависимости от «вида занятости» [с. 51]. Для 21 % респондентов историческая память «ограничена историей советского периода» [с. 52].

Е. А. Окладникова, подводя итоги опроса о социальном ландшафте Лаголово, приходит к выводу о потребительском отношении респондентов к своему месту жительства. В ответах респондентов преобладает мнение о том, что земля воспринимается ими «как сельскохозяйственные угодья и как место для продажи под строительство коттеджей», что в Лаголово отсутствуют какие-либо ресурсы. Таким образом, «идея кормящего сельскохо-

² Первое в мире подобное масштабное исследование проводилось в течение десяти лет Чарльзом Бутом и было опубликовано в 1903 г. в 17 томах под названием «Жизнь и труд населения Лондона».

зяйственного ландшафта как ценности постепенно уходит на второй план в сознании респондентов» [с. 53-55].

Е. А. Окладникова констатирует, что у местных жителей образ Лаголово «реализуется через такие понятия, как “болото”, “поле”, “граница”» [с. 57]. Негативное отношение к своему поселку у жителей также ассоциируется с проблемой соблюдения чистоты и санитарных норм на территории поселка. Об этом они сами рассказывают, не только устно, но и в социальных сетях, приводя соответствующие аргументы. Однако ответственными за наведение чистоты и порядка в поселке респонденты считают не себя, а государство в лице руководителей муниципального образования. Среди привлекательных мест природной среды поселка респонденты выделяют сохранившийся «яблоневый сад» и парк с новой часовней Луки Крымского, а культурной – школу и дом культуры.

Как профессиональный историк Е. А. Окладникова посвятила специальный параграф «Что в имени тебе моём?» историческому описанию прошлого поселения Лаголово и окружающей его местности, основываясь на официальных документах и материалах школьного музея, а также на публикациях в Интернете. Она отмечает, что, к сожалению, как показали интервью, «погруженные в суету повседневности» [с. 82] жители поселка не интересуются его прошлым и даже не могут ответить на вопросы о местных легендах, мифах, сказаниях. Однако посредством длительных расспросов старожилов удалось услышать некоторые фрагменты истории поселения. Выяснилось также, что 27 % респондентов не знают истории названия своего поселения, 13 % связывают происхождение названия с историей бывшего финского поселения, а 17 % – с историей допетровской эпохи [с. 92]. По мнению остальных респондентов, пытавшихся объяснить название, «Лаголово» – производное от лексем «лог» [с. 93].

В заключение Е. А. Окладникова констатирует, что проведенное исследование достигло своей цели, а также приводит авторские размышления и выводы о ходе исследования и полученных научных результатах. Представленные в конце работы источники и приложения могут послужить примером для подготовки к проведению аналогичных исследований.

Оценивая оригинальность представленного Е. А. Окладниковой исследования и значимость его результатов, считаю, что данный единичный эксперимент требует продолжения. Только множество подобных исследований может дать более точное подтверждение выявленных тенденций в состоянии социального ландшафта сельских поселений Ленинградской области и других регионов страны, а, следовательно, предоставить практические рекомендации по дальнейшему развитию «малых родин».

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Глотов Михаил Борисович, доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; действительный член Академии социальных наук (Москва); действительный член Петровской академии наук и искусств; *glotov.m@mail.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Mikhail B. Glotov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia; Full Member of the Academy of Social Sciences (Moscow); Full Member of Peter's Academy of Arts and Sciences; *glotov.m@mail.ru*